

Князь А. Н. Голицынъ и его церковно-государственная дѣятельность.

(Продолженіе ¹).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мистицизмъ князя Голицына въ связи съ общимъ религіозно-мистическимъ движеніемъ въ царствованіе императора Александра I.

Весьма значительнымъ явленіемъ нашей церковно-общественной жизни въ царствованіе императора Александра I было религіозно-мистическое движеніе. Въ сущности движеніе это въ Россіи было не ново. Оно имѣло свой прецедентъ въ мистическомъ направленіи умовъ послѣдней половины XVIII вѣка. Масоны, мартинисты, Новиковъ съ его школой (Дружеское общество) и пр. уже были предвѣстниками этого движенія. Въ лучшемъ своемъ направленіи оно явилось, какъ сильная реакція французскому религіозному вольномыслію, породившему собой революцію 1789 года и проникшему въ образованные классы русскаго общества, благодаря тому сочувствію, какое сама императрица Екатерина II оказывала Вольтеру и философамъ-энциклопедистамъ, идеи которыхъ легли въ основу революціонныхъ началъ. Характеристическою особенностію этого движенія,—говоримъ опять, въ лучшемъ его направленіи, была благочестивая настроенность (піэтизмъ), вытекавшая изъ стремленія всю жизнь человека утвердить

¹ См. Труды Академіи 1900 г. м. мартъ.

на началахъ. положенныхъ въ откровеніи, болѣе или менѣе независимо отъ установившихся путемъ преданія формъ религіозной жизни. Въ тѣсной связи съ этимъ стремленіемъ стояло другое,—стремленіе къ возможно большему одухотворенію того, что слишкомъ грубо матеріализовалось отрицательнымъ направленіемъ умовъ XVIII вѣка. Отсюда сущность религіи мистики этого направленія видѣли во внутреннемъ общеніи человѣка съ Богомъ, а не во внѣшнемъ, условливаемомъ и тѣлесною природою человѣка и исторіей самой религіи, цѣль же ея—въ стремленіи къ духовному возрожденію силою внутреннедѣйствующей въ человѣкѣ благодати. (Само собою разумѣется, что менѣе разумныя головы или же люди съ задними мыслями придавали мистическому движенію другое направленіе, нерѣдко не безопасное съ точки зрѣнія общественной нравственности и спокойствія. Поэтому уже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и во все время царствованія Павла оно было, по связи его съ масонствомъ и тайными обществами, въ подозрѣніи противоправительственной агитаціи, и подверглось преслѣдованію. Извѣстно, что Новиковъ, Радицевъ и др. были въ опалѣ, не говоря о масонскихъ ложахъ, закрытыхъ при Екатеринѣ. При всемъ томъ мистическое движеніе не прекратилось. Масонскія ложи и другія тайныя общества продолжали существовать и при Павлѣ ¹⁾). Съ воцареніемъ императора Александра Павловича, воспитаннаго Лагарпомъ въ чувствѣ полного уваженія къ свободѣ религіозной совѣсти, мистическое движеніе возродилось и привлекло къ себѣ много лицъ, значительныхъ по своему положенію и образованію ²⁾). Въ то же время возобновило свою дѣятельность и масонство. Съ разрѣшенія самого императора ³⁾). стали открываться новыя ложи и возстанов-

¹⁾ Богдановича „Исторія царств. Александра I“, т. VI. стр. 404.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 404—405.

³⁾ „Записки Вигеля“ ч. V, гл. 4. стр. 53.

ляться прежде существовавшія, такъ какъ еще живы были старые масоны ¹⁾. Новиковъ и Радищевъ получили теперь совершенную свободу и если сами, благодаря прежней ссылке и пребыванію въ крѣпости ²⁾, не могли уже съ настоящею энергіею работать въ пользу мистическаго движенія, то за то послѣдователи ихъ продолжали ихъ дѣло. Самымъ главнымъ проповѣдникомъ мистицизма и характеристическимъ представителемъ его въ тогдашней литературѣ былъ О. Лабзинъ, „ученикъ масоновъ“, какъ онъ любилъ называть себя ³⁾.

Но въ этомъ непрерывномъ пути религіознаго мистицизма былъ моментъ его непомѣрно усиленнаго движенія, его наибольшаго возбужденія, именно—война 1812 года. Война съ Наполеономъ доставила Россіи безпримѣрное общевропейское значеніе, а императору Александру I—имя освободителя Европы. Она возвысила народный духъ, была источникомъ его торжествъ и славы. А это породило усиленное движеніе религіознаго мистицизма. Неожиданныя послѣдствія великихъ военныхъ событій привели русскихъ людей того времени къ безусловной вѣрѣ въ промыслъ Божій, дѣйствовавшій, по своимъ путямъ, наперекоръ всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ. Торжествующій духъ народа видѣлъ свой первый долгъ въ смиреніи предъ неисповѣдимыми путями Божественнаго провидѣнія. Все склоняло его къ таинственному и погружало въ таинственность. Самъ государь смиренно сознавалъ себя лишь орудіемъ высшей воли: „Не намъ, не намъ, но имени Твоему даждь славу“, чеканилось на побѣдныхъ крестахъ и медаляхъ въ память отечественной войны. Но дѣйствіе этой воли недоступно чувственному взору. Оно

¹⁾ Тамъ же. Ср. Знаменскаго „Чтен. изъ ист. русс. ц. за время цар. Александра I“, стр. 148.

²⁾ „Письма Карамзина къ Дмитріеву съ примѣчаніями. Я. Грота и Печкарскаго“. Слб. 1866 г., стр. 635

³⁾ Вотъ почему онъ подписывался подъ своими статьями такъ: У. М.

созерцается внутреннимъ окомъ души, при размысленіи о Богѣ и таинственномъ общеніи съ Нимъ. Религіозно-мистическое чувство, возбужденное въ императорѣ Александрѣ подѣ впечатлѣніемъ великихъ событій 12 года, глубоко коренилось въ его и безъ того впечатлительномъ сердцѣ. вмѣстѣ со всѣмъ своимъ вѣрующимъ народомъ, онъ сталъ теперь искать въ себѣ живой источникъ вѣры въ Бога-Промыслителя. Такіе порывы религіознаго чувства бывали у него и прежде, но они проходили такъ же быстро, какъ и наступали.

Императоръ Александръ, рассказывая англійскимъ кватермъ Греллэ-де-Мобиле и Аллену, посѣтившимъ его въ Петербургѣ въ 1818 году, разныя подробности о томъ, какъ его воспитывали подѣ надзоромъ бабки его, императрицы Екатерины, между прочимъ, говорилъ: „Проставленные ко мнѣ лица имѣли нѣкоторыя добрыя качества, но не были вѣрующими христіанами, и потому первоначальное воспитаніе мое не было соединено съ какими-либо глубокими нравственными впечатлѣніями; сообразно съ событіями нашей греческой церкви, меня приучали формально повторять утромъ и вечеромъ извѣстныя заученныя молитвы; но этотъ обычай, нисколько не удовлетворявшій внутреннимъ потребностямъ религіознаго чувства, скоро надоѣлъ мнѣ. Случалось между тѣмъ не разъ, что я, ложась спать, живо чувствовалъ въ душѣ своей грѣхъ и разные нравственные недостатки своего образа жизни; возникавшее при этомъ сердечное раскаяніе пробуждало во мнѣ потребность вставать съ постели и среди ночной тишины бросаться на колѣна, чтобы со слезами просить у Бога прощенія и силы для большей бдительности надъ собою на будущее время. Это сердечное сокрушеніе продолжалось нѣсколько времени; но мало-по-малу, при отсутствіи поддержки со стороны окружающихъ лицъ, я сталъ рѣже и слабѣе чувствовать въ себѣ эти спасительныя движенія благодати; вмѣстѣ съ мірскою разсѣянностію грѣхъ сталъ болѣе

и болѣе владычествовать въ моей душѣ“¹⁾. Воспитанный Лагарпомъ, полувольтерьянцемъ и полумасономъ, въ духѣ французскаго деизма, Александръ въ послѣдствіи вовсе почти утратилъ вѣру въ живого Бога. Самъ онъ выражался такимъ образомъ о своей религіозной пустотѣ. „Мы были философы и божественная сущность христіанства скрывалась отъ нашихъ взоровъ. Я чувствовалъ пустоту въ моей душѣ и какое-то смутное предчувствіе преслѣдовало меня повсюду“²⁾.

Но судьбѣ угодно было духовно возродить императора Александра и для этого его возрожденія призвать друга его юности князя А. Н. Голицына, которому онъ открывалъ сокровеннѣйшія движенія своей души. Проведши молодость въ свѣтскихъ развлеченіяхъ и разнаго рода увлеченіяхъ, Голицынъ понялъ, наконецъ, всю пустоту прежней своей жизни, и обратился къ вѣрѣ. Цѣлые дни онъ началъ проводить въ чтеніи свящ. Писанія, надѣясь въ немъ найти надлежащее руководство и утѣшеніе³⁾. Въ воспоминаніяхъ своихъ (записанныхъ съ его словъ Ю. Бартеневымъ) князь Голицынъ подробно рассказываетъ, какъ онъ старался расположить своего царственнаго друга къ чтенію слова Божія и какъ подъ благодатнымъ дѣйствіемъ этого чтенія государь постепенно проникся духомъ христіанскаго благочестія⁴⁾.

„Глубоко вкорененный въ императорѣ Александрѣ типъ западнаго образованія и можетъ быть не извинительная небрежность, если не злонамѣренность главныхъ его пѣстунновъ,—рассказываетъ князь Голицынъ,—поселили въ сердцѣ государя странное разнорѣчіе съ его истинными потребностями... Александръ былъ весьма далекъ, чтобы преслѣдовать подозрѣніемъ мою перемѣну въ образѣ мыслей; но я самъ

¹⁾ „Русс. Старина“ 1874 г., январь.

²⁾ „Vie de madame Krudener, par. Ch. Eynard“, Paris, 1849, t. I, p. 324.

³⁾ „Русс. Старина“ 1882 г., мартъ, стр. 777, май, стр. 437.

⁴⁾ „Русс. Архивъ“ 1886 г., ч. II, стр. 86—90.

никогда не могъ забыть и простить себѣ сего несчастнаго и горько оплакиваемаго моего времени, когда, въ безуміи моего заносчиваго невѣрія, я позволялъ себѣ, часто въ его личномъ присутствіи, ядовитыя насмѣлки надъ христіанскимъ вѣрованіемъ¹⁾... Но вотъ въ одно время,—продолжаетъ Голицынъ,—бесѣдуя наединѣ съ государемъ о Евангеліи, я простодушно спросилъ его, читалъ ли онъ эту книгу? „Нѣтъ. никогда не читалъ“, отвѣчалъ мнѣ государь; „а если что изъ нея знаю, то развѣ слыхивалъ въ церкви. А теперь и этотъ источникъ для меня прекратился, продолжалъ Александръ; ибо я, сдѣлавшись глухъ, не пользуюсь нынѣ и малымъ моимъ знаніемъ, да и послѣднее растерялъ, что слыхивалъ“. Не угодно ли Вашему Величеству полюбопытствовать, прочитать эту книгу, промолвилъ я ему; мнѣ, право, сдается, что она стоила бы всего Вашего вниманія, и я увѣряю Васъ, государь, что Вы никакъ не будете въ томъ раскаяваться и еще скажете мнѣ спасибо. Александръ согласился и далъ мнѣ слово прочитать Евангеліе, что меня крайне утѣшило, и я въ тотъ же день спѣшилъ подарить ему собственную Библію²⁾ и, отдавая ему ее, я принялъ смѣлость тогда же

¹⁾ Нѣсколько подробнѣе рассказываетъ о томъ же Голицынъ въ другомъ мѣстѣ: Если что,—говоритъ онъ здѣсь.—обратилось для меня настоящимъ мученіемъ, то это было видѣть безпрестанно государя, котораго я болѣе нежели любилъ; видѣть его особенное, неправильное воззрѣніе на предметы, столь необходимые для его спокойствія, болѣе того, спасенія; видѣть, какъ мнѣнія Александровы вовсе различествовали съ тѣмъ, что отнынѣ составлять стало сладчайшую потребность моего духа и сердца... Но если я вспоминалъ при томъ, какъ нѣкогда и я самъ своими кошунствами, своими дерзновенными остротами, саркастическимъ настроеніемъ духа моего, столь мнѣ обычнымъ, неоднократно, можетъ быть, способствовалъ къ поддержанію и даже самому развитію въ государѣ тѣхъ самыхъ заблужденій, нынѣ такъ оплакиваемыхъ мною: тогда я порывался, тогда я спѣшилъ разоблачить сіи превратныя сужденія, сіи предубѣжденія нарывы“ („Русс. Архивъ“ 1886 г., кн. II. стр. 76—77).

²⁾ Сообщение это подтверждается словами самого императора Александра. Рассказывая англійскимъ квакерамъ о своемъ обращеніи къ религіи, государь между прочимъ говорилъ, что въ это время одно благочестивое лицо (очевидно, князь

замѣтить, чтобы онъ пока пріостановился еще читать Ветхій Заветъ, а читалъ бы только одно Евангеліе и Апостольскія Посланія (Апокалипсиса также покуда не читайте, сказалъ я ему)“.

„Вскорѣ послѣ нашего разговора,—продолжаетъ свой рассказъ Голицынъ.—государь отправился въ Новую Финляндію; онъ поѣхалъ осматривать ее. Гористое мѣстоположеніе Новой Финляндіи заставило Александра ѣздить по ней на обыкновенныхъ городскихъ дрожкахъ, и вотъ ему совершенно разъединенному на тотъ разъ отъ всего, вздумалось о Евангеліи; а можетъ быть вмѣстѣ припомнилъ онъ и данное мнѣ обѣщаніе. Библія, которую я подарилъ ему, была съ нимъ; онъ тотчасъ приказалъ ее вынуть и началъ читать дорогою. Государю стало нравиться это чтеніе, и онъ уже не выпускалъ изъ рукъ Евангелія во все время своего путешествія. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, государь счелъ за нужное поблагодарить меня за данный ему совѣтъ. „Я въ восхищеніи отъ этой книги“, сказалъ мнѣ императоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаюсь тебѣ, Голицынъ, меня очень соблазняетъ твой Апокалипсисъ; тамъ, братецъ, только и твердятъ объ однихъ ранахъ и зашибеніяхъ (*il n'y a que plaies et bosses*, точныя слова Александра). Мнѣ кажется, продолжалъ государь, что будто какой новый міръ открывается для меня; право, я очень тебѣ благодаренъ за твой совѣтъ“...

Обрадованный до глубины сердца моего, я,—говоритъ Голицынъ,—осмѣлился тогда же попросить Александра: государь, сказалъ я ему, пожалуйста мнѣ вѣрное царское слово

Голицынъ) посоветовало мнѣ приняться за чтеніе свящ. Писанія и дало мнѣ въ руки Библію, которой до тѣхъ поръ я никогда еще не видалъ“ („Русс. Старина“ 1874 г., январь, стр. 18). Послѣ этого сообщеніе другихъ (Eynard, *Vie de madame Krüdener*, t. I, p. 327), что первая Библія (католическая вульгата во французскомъ переводѣ) была подарена государю его супругой, императрицей Елизаветой Алексѣевной, представляется недостовернымъ.

Ваше, что какъ скоро Вы возымѣете рѣшительную и полную вѣру въ Распятаго Иисуса, то увѣдомите меня о томъ немедленно“.

Между тѣмъ государь, по рассказамъ князя Голицына, не переставалъ заниматься чтеніемъ Новаго Завѣта. Апѳкалиписисъ со временемъ такъ ему понравился, что по собственному признанію государя, „онъ досыта не могъ имъ начинаться“. Къ чтенію Ветхаго Завѣта онъ приступилъ такимъ образомъ: „Однажды государь,—разсказываетъ Голицынъ,—въ Новомъ завѣтѣ вычиталъ сіе знаменитое Посланіе Апостола Павла, гдѣ такъ подробно говорится о плодахъ вѣры, какъ она, эта вѣра, низлагаетъ враговъ внѣшнихъ, какъ побѣждаетъ миромъ силы сопротивныя. Въ семъ посланіи указывается на Ветхій Завѣтъ, гдѣ Апостолъ беретъ изъ онаго сильныя и блестящія уподобленія. Александръ вдругъ подвинулся прочитать весь Ветхій Завѣтъ... Однако онъ великодушно спросилъ у меня совѣта, время ли ему приступить къ сему чтенію... Съ великимъ восхищеніемъ я далъ ему свое согласіе“.

„Между тѣмъ,—продолжаетъ князь Голицынъ,—политическая буря (нашествіе Наполеона) приближалась все ближе и ближе; роковая, бѣдственная война засвирѣцствовала въ отечествѣ; важныя ея событія смѣнялись съ неимовѣрною быстротою; древняя столица наша, оставленная врагамъ, взята была у нихъ обратно; послѣдующія битвы довершили поражение наглаго и дерзновеннаго непріятеля; онъ бѣжалъ изъ Россіи, какъ отъ гнѣва Божія, не будучи въ состояніи ни гдѣ укрыться... Императоръ, находясь уже въ Вильнѣ, написалъ тѣ достопамятныя воззванія и манифесты, въ которыхъ твердость благороднаго и великодушнаго духа невольно обличала въ немъ христіанскій строй сердца“. Голицынъ нашелъ благовременнымъ напомнить государю о данномъ ему царскомъ словѣ—увѣдомить его немедленно, когда произойдетъ обращеніе государя къ вѣрѣ. Онъ рѣшился по этому слу-

чаю обратиться къ нему съ письмомъ, въ заключеніе котораго писалъ такъ: „Государь! Не нужно даже увѣдомленія Вашего, чтобы меня утѣшить и успокоить; вселенскія Ваши дѣйствія, Ваши, государь, торжественные манифесты, и исполненные христіанскаго помазанія, достаточно могутъ увѣрить всѣхъ и каждого, какъ глубоко и искренно въ Васъ христіанство и какъ свѣтло оно просіяваетъ въ смиренномъ и любящемъ сердцѣ Вашемъ“. Въ отвѣтъ на это Голицынъ вскорости получилъ отъ государя письмо, въ которомъ, по словамъ князя, „со всеѣмъ увлеченіемъ растворенной и проникнутой воли, онъ вполне сознается ему, что давно уже передалъ себя совершенному вождельнію Господа“.

„Съ тѣхъ поръ,—замѣчаетъ князь Голицынъ,—взаимная наша съ Александромъ переписка приняла уже на себя характеръ прямо-христіанскій; она обратилась въ непритворную бесѣду искреннихъ и простодушныхъ друзей, которые сладко и долго бесѣдуютъ о возлюбленномъ ихъ Спасителѣ“. Съ того же времени императоръ Александръ возымѣлъ привычку вмѣстѣ съ Голицынымъ читать свящ. Писаніе и раздѣлять съ нимъ всѣ утѣшенія, доставляемые этимъ чтеніемъ. Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ своихъ князь Голицынъ подробно рассказываетъ, какъ онъ съ своимъ царственнымъ другомъ условились читать вмѣстѣ свящ. Писаніе и какъ государь самъ разграфилъ первый листъ въ тетради, приготовленной для записыванія порядка чтеній и въ одной графѣ надписалъ даты, въ другихъ заглавія священ. книгъ: Ancien Testament, Evangiles, Epitres. Затѣмъ Голицынъ также обстоятельно описываетъ, съ котораго числа и года и съ какихъ мѣстъ Библии началось чтеніе. „Государь, по разсказамъ Голицына, ѣздилъ по Россіи, странствовалъ и внѣ оной по землямъ чужимъ; чтеніе отъ того не прерывалось и даже въ случаѣ сомнѣнія глава или раздѣлялась или въ Библии встрѣчался какой нибудь вводный отрывокъ, не помеченный въ численіи или внѣ его порядка, то государь

бывало, гдѣ бы онъ ни былъ, нарочно посылалъ къ князю, хотя бы то доводилось изъ чужихъ странъ, чтобы князь зналъ, какъ ту или другую главу считать въ порядкѣ счисленія и какъ вводный отрывокъ за одну главу почитать или, особенно. Были случаи, что, прочитавъ такимъ образомъ какую нибудь главу по порядку, государь требовалъ мнѣнія князя или сообщалъ ему свое¹⁾.

Не мѣшаетъ привести здѣсь еще разсказъ князя Голицына англійскимъ квакерамъ относительно обстоятельствъ, бывшихъ причиною оживленія въ 1812 году въ императорѣ Александрѣ того религіозно-мистическаго настроенія, которое въ послѣдніе годы его жизни такъ прочно успѣло укорениться въ немъ. „Когда въ 1812 году,—разсказывалъ Голицынъ,—до Петербурга дошла вѣсть о вступленіи Наполеона въ Москву, то многіе стали укладывать свои драгоценности съ цѣлю перевезти ихъ на другое, болѣе безопасное, мѣсто; почти всѣ были увѣрены въ томъ, что французы скоро явятся въ Петербургъ. Государь собирался самъ отправиться съ своими войсками на встрѣчу непріятелю. Князь Александръ (Голицынъ), у котораго въ это время перестраивался домъ, велѣлъ между тѣмъ спокойно продолжать начатую работу²⁾. Нѣкоторые завистливые люди обратили на это вниманіе государя, стараясь заподозрить князя въ тайной измѣнѣ отечеству; тогда государь пріѣхалъ къ нему и спросилъ: „Голицынъ, что ты дѣлаешь? Что это значитъ? Всѣ собираются бѣжать, а ты строишься?“ „Да,—отвѣчалъ князь,—мѣсто, гдѣ я теперь, такъ же безопасно, какъ и всякое другое, куда-бы я могъ бѣжать; Господь защита моя, на Него я уповаю“. „На чемъ же основано,—возразить

¹⁾ „Русс. Архивъ“ 1886 г., кн. II, стр. 107.

²⁾ „Среди общаго безпокойства,—писалъ Филаретъ своему отцу, одинъ человекъ удивилъ меня своимъ великодушіемъ. Тогда какъ многіе оставляли свои дома, князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ) устроилъ въ своемъ домѣ церковь“ („Письма Филарета къ роднымъ“, М., 1882 г., стр. 166—167).

государь.—твое упованіе“. „Сердце мое о томъ свидѣтельствуесть,—сказалъ тогда князь,—и вотъ та боговдохновенная книга, которая подтверждаетъ непреложность моего упованія“. Съ этими словами онъ хотѣлъ подать государю Библію, но книга, по его неосторожности, упала, раскрывшись, на полъ. „Позвольте-же мнѣ,—сказалъ князь,—прочитать вамъ именно то мѣсто, на которомъ Библія раскрылась“. И Голицынъ началъ читать. Это былъ 90-ый псаломъ: „Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится. Речетъ Господеви: заступникъ мой еси и прибѣжище мое, Богъ мой, уповаю на Него“ и пр. Слушая чтеніе этого псалма, государь оставался неподвижнымъ и былъ проникнутъ изумленіемъ“ ¹⁾.

„Около этого времени,—продолжалъ разсказывать квакерамъ князь Голицынъ,—войскамъ нужно было отправиться въ походъ; въ подобныхъ случаяхъ, такъ же, какъ когда государь уѣзжалъ изъ города на болѣе продолжительное время, совершается въ его присутствіи торжественное молебствіе въ одной изъ главныхъ церквей. Стѣдую обычаю, государь отправился въ церковь, и услышалъ при богослуженіи опять чтеніе того же псалма. Тогда государь приказалъ позвать къ себѣ служившаго священника и спросилъ его, кто подалъ ему мысль прочесть именно это мѣсто изъ Писанія? „Никто,—отвѣчалъ священникъ, но я молился Господу и просилъ Его внушить мнѣ, что именно избрать мнѣ и прочесть изъ Его Божественнаго слова для ободренія и утѣшенія моего государя, и мнѣ казалось потомъ, что именно этотъ псаломъ былъ гласомъ Божиимъ къ Вашему Величеству“ ²⁾.

„Затѣмъ во время похода,—разсказывалъ Голицынъ.—государь, остановившись въ одномъ мѣстѣ, захотѣлъ, что бы ему читали что-нибудь изъ Библии. Приглашенное для

¹⁾ „Русс. Старина“ 1874 г., январь, стр. 22.

²⁾ Тамъ же, стр. 23.

этого лицо явилось и прямо стало читать 90 псаломъ. На первыхъ словахъ государь прервалъ читавашаго и спросилъ: „кто внушилъ вамъ читать мнѣ именно это мѣсто? не Голицынъ ли“? Но тотъ отвѣтилъ, что онъ не видалъ Голицына и что никто не говорилъ ему, что его призываетъ къ себѣ государь для прочтенія чего-нибудь изъ Библии, но что онъ просилъ Господа указать ему такое мѣсто, которое по преимуществу могло бы благотворно подѣйствовать на государя, и затѣмъ онъ избралъ этотъ псаломъ. Императоръ былъ очень изумленъ и внимательно вслушивался во все, что ему читали, съ гораздо большимъ противъ прежняго усердіемъ, будучи увѣренъ, что все это совершилось по особому устроению Божію. Съ тѣхъ поръ,—закончилъ свой рассказъ Голицынъ,—„сердце его открылось для принятія спасительныхъ впечатлѣній вѣры и благодати, и онъ приучилъ себя читать Библию каждый день утромъ и вечеромъ“¹⁾.

Но само по себѣ обращеніе императора Александра къ вѣрѣ, подъ влияніемъ князя Голицына и великихъ событій отечественной войны, еще не объясняетъ намъ его послѣдующаго увлеченія мистицизмомъ. Несомнѣнно, что личныя склонности государя болѣе влекли его къ субъективной и универсальной религіи сердца, не стѣснявшей его извѣстными догматами, словомъ—къ религіозному мистицизму; но при этомъ нужно было еще обратить его вниманіе на мистицизмъ, возбудить въ немъ интересъ къ нему. Въ этомъ случаѣ для насъ важно замѣтить, что Голицынъ уже ранѣе 1812 года началъ увлекаться мистицизмомъ, и что, будучи уже за границей, государь получилъ отъ извѣстнаго мистика Р. А. Кошелева (черезъ посредство того же Голицына, находившагося подъ мистическимъ влияніемъ послѣдняго) книгу мистическаго содержанія: „Облако надъ святилищемъ или нѣчто такое, о

¹⁾ Тамъ же.

чемъ гордая философія и грезить не смѣтъ“¹⁾), которую ему объясняла баронесса Крюденеръ²⁾. Сопоставленіе этихъ двухъ фактовъ можетъ показать намъ, откуда шло первоначально мистическое вліяніе на государя. Очевидно, отъ того же князя Голицына, которому, между прочимъ, онъ былъ обязанъ и своимъ обращеніемъ къ религіи вообще.

Продолжительное пребываніе императора Александра за границей только способствовало къ развитію его въ этомъ направленіи. Мистическое настроеніе государя здѣсь поддерживалось и усиливалось его сношеніями съ близкими ему людьми: прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, однимъ изъ представителей тогдашней религіозно-мистической сентиментальности,—любимой фрейлиной императрицы Елизаветы Алексѣвны, Роксандрой (Александрой) Скарлатовной Стурдзой, сестрой извѣстнаго Александра Стурдзы³⁾,—княгиней Софіей Сергѣевной Мещерской⁴⁾. Въ томъ же духѣ

¹⁾ Эта книга переведена съ нѣмецкаго Лабзиннымъ

²⁾ „Русс. Архивъ“ 1886 г., кн. II, стр. 93—94.

³⁾ По отзыву Вигеля, она была одною изъ замѣчательно умныхъ и любезныхъ женщинъ, которыхъ онъ когда-либо зналъ („Записки Ф. Ф. Вигеля“, ч. V, стр. 66. Ср. ч. IV, стр. 129). Одаренная пылкимъ воображеніемъ, г-жа Стурдза увлекалась моднымъ тогда мистицизмомъ и находилась въ тѣсной дружбѣ съ княземъ А. Н. Голицынымъ, а также съ Кошелевымъ и княгиней С. С. Мещерской. Впослѣдствіи она вышла замужъ за веймарскаго министра, графа Эдлинга, переселившагося, по настоянію жены, въ 1824 году на югъ Россіи. Во время греческаго возстанія, Стурдза вмѣстѣ съ своимъ братомъ принимала дѣятельное участіе въ судьбѣ единовѣрныхъ ей грековъ, спасавшихся тогда въ Россію, и при содѣйствіи Голицына успѣла устроить сборъ по всей Россіи пособій для грековъ, приходившихъ въ Россію, и для выкупа другихъ изъ турецкаго плѣна. („Вѣстникъ Европы“ 1869 г., кн. VIII, стр. 622).

⁴⁾ Княгиня С. С. Мещерская, урожденная Всеволодская, была женою майора князя И. С. Мещерскаго, во второмъ его бракѣ. Мужъ ея былъ роднымъ братомъ синодальнаго оберъ-прокурора князя П. С. Мещерскаго. По сообщенію англійскихъ квакеровъ Мобилъ и Аллена, она „была орудіемъ Божиимъ для поддержанія религіознаго настроенія въ душѣ императора, когда онъ въ первый разъ испыталъ въ себѣ могущественное вліяніе духа истины“. Сама Мещерская разсказывала квакерамъ, о своихъ отношеніяхъ къ государю, что „уже нѣсколько

вляли на государя посѣщенія гернгуттеровъ, поразившихъ его мягкимъ и любящимъ характеромъ своей религіозности, бесѣды съ англійскими квакерами, съ которыми молился онъ духовною молитвою въ ихъ собраніяхъ, свиданія съ первымъ авторитетомъ европейскаго мистицизма Іоанномъ Генрихомъ Юнгомъ, получившимъ потомъ прозваніе Шиллинга, и съ извѣстной религіозной авантюристкой, проповѣдницей скорого наступленія царства Божія на землѣ, баронессой Юліей Ф. Крюденеръ¹⁾.

Баронесса Крюденеръ имѣла особенно сильное вліяніе на религіозно-мистическое настроеніе императора Александра. Не избѣгнувъ этого вліянія, какъ увидимъ ниже, и князь Голицынъ. По настроенію вѣка тогда многіе выдавали себя за пророковъ, и Крюденеръ, подобно другимъ современнымъ ей экзальтированнымъ визионерамъ, стала пророчествовать, но, какъ обращавшаяся въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, она предсказывала преимущественно важныя политическія событія. Одно изъ такихъ предсказаній съ намеками, относившимися къ императору Александру, находится въ письмѣ Крюденеръ къ г-жѣ Стурдзѣ²⁾. Государь, котораго всячески старалась сблизить съ баронессой Крюденеръ Стурдза, давно уже былъ заинтересованъ въ ея пользу. Первое свиданіе его съ Крюденеръ произошло 4 іюня 1815

лѣтъ тому назадъ (въ Тиери) они дали другъ другу слово начать въ одинъ день чтеніе Библіи и читать каждое утро по одной главѣ изъ Ветхаго Завета, и такимъ образомъ всегда читать одиѣ и тѣ же главы, какое бы разстояніе ихъ не раздѣляло. Такъ какъ они между собою переписываются, то императоръ часто сообщаетъ ей въ своихъ письмахъ, какія впечатлѣнія производитъ въ немъ чтеніе того или другого мѣста Свящ. Писанія⁴ („Русс. Стар.“ 1874 г. янв., стр. 3—4).

¹⁾ Дочь лифляндскаго магната и богача Оттона Германа фонъ Фитингофа и внучка знаменитаго фельдмаршала графа Миниха, она была женою образованнаго и почтеннаго барона Ф. Крюденеръ, бывшаго русскимъ посланникомъ въ Матаѣ, Веніріи, Копенгагенѣ и, наконецъ, въ Берлинѣ.

²⁾ Готте „Furst Alexander Nicolaewitsch Goltzitzin“, s. 42.

года въ городѣ Гейльброннѣ. Князь А. Н. Голицынъ разсказываетъ объ этомъ свиданіи слѣдующее: Въ одномъ нѣмецкомъ городѣ (не помню теперь его названія) вдругъ освѣдомляется государь, что въ немъ пребываетъ на то время извѣстная баронесса Крюденеръ. Крюденерша не замедлила испросить у государя особенной аудіенціи. Александръ очень обрадовался, услышавъ, что эта женщина ищетъ съ нимъ свиданія. Многія причины располагали государя съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ встрѣтить Крюденершу. Съ одной стороны собственное настроеніе сердца царева къ опущеніямъ религіознымъ и твердое самопреданіе въ волю Божию. съ другой, увидѣть женщину, носившую, такъ сказать, въ себѣ живое слово Божіе, проходящую по юнымъ и невѣрственнымъ поколѣніямъ Европы, какъ-бы съ Евангеліемъ какого-то апостола, увидѣть такую женщину, которую и преупреждала и сопровождала громкая молва народная; наконецъ, знать, что сія женщина есть и русская подданная: все это, можетъ быть, заставило государя нетерпѣливо пожелать свиданія съ Крюденершею. Баронесса нѣсколько разъ была у Александра и по обыкновенію имѣла съ нимъ долгія конференціи. По моему мнѣнію, — продолжаетъ Голицынъ, — эти бесѣды имѣли направленіе духовное, можетъ быть, онѣ касались нѣсколько и современныхъ событій. Безъ сомнѣнія, что живущая вѣрою Крюденерша подкрѣпляла эту развивающуюся вѣру въ государь своими безкорыстными и опытными совѣтами: она рѣшительно направляла волю Александрову еще къ большему самопреданію и молитвѣ; она, можетъ быть, въ то же время раскрывала ему и тайны той молитвы духомъ, которая, бывъ отъ Бога назначена достояніемъ всѣхъ земнородныхъ, по несчастію однако есть удѣлъ немногихъ избранныхъ“ ¹⁾).

¹⁾ „Русс. Архивъ 1886 г., кн. II, стр. 92 - 94.

Свиданія императора Александра съ Крюденеръ продолжались въ городѣ Гейдельбергѣ ¹⁾. Когда государь вступилъ, наконецъ, съ своими войсками въ Парижъ, баронесса, по его приглашенію, прибыла (14 іюля 1815 года) туда же. Здѣсь остановилась она въ гостинницѣ Моншеню, находившейся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Елисейскимъ дворцомъ, въ которомъ помѣстился русскій императоръ. Александръ Павловичъ носилъ въ это время при себѣ ключъ отъ садовой калитки, выходившей въ Елисейскія поля, чрезъ которыя онъ, никѣмъ не замѣченный, могъ, иногда по нѣскольکو разъ въ день, приходить къ Крюденеръ. Всѣ желающіе могли видѣть баронессу каждое воскресенье на литургіи, совершаемой православнымъ священникомъ въ русской церкви, устроенной въ Елисейскомъ дворцѣ. Закрытая бѣлою густой вуалью, она набожно молилась на особомъ, предназначенномъ для нея, мѣстѣ. „Императоръ,—разсказываетъ біографъ баронессы Крюденеръ,—осужденный своимъ высокимъ саномъ на религіозную изолированность, любилъ, однако же, сознавать себя соединеннымъ молитвою съ душой той, которая понимала, подобно ему, милосердіе Господа ²⁾“.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Франціи осенью 1815 года, достигши высшей степени доступной человѣку славы, императоръ Александръ рѣшился, наконецъ, выполнить свою заветную мысль, высказанную имъ еще въ 1813 году среди великихъ военныхъ испытаній въ разговорѣ съ королемъ прусскимъ. „Я намѣреваюсь оставить Францію чрезъ нѣсколько дней,—говорилъ онъ Крюденеръ,—но передъ моимъ отъѣздомъ я желаю воздать въ публичномъ актѣ то благодарнѣйшее почитаніе Отцу, Сыну и Духу Святому, коимъ преисполнено мое сердце. Я хочу свидѣтельствовать о томъ покровительствѣ, которое оказано было намъ Всемогущимъ и

¹⁾ Гегеле, стр. 44—45.

²⁾ Vie de madame Krudener, par Ch. Eynard, т. II, р. 25.

пригласить всѣ народы соединиться въ повиновеніи Евангелію. Я принесъ съ собою проектъ этого акта, прошу васъ прочесть его внимательно и указать мнѣ на тѣ выраженія, которыя покажутся вамъ неподходящими. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мною въ этомъ актѣ поклоненія, дабы на насъ смотрѣли какъ на трехъ волхвовъ, пришедшихъ съ востока провозгласить высшее господство Бога Спасителя... Прошу васъ также помолиться вмѣстѣ со мною, дабы Господь склонилъ сердце моихъ союзниковъ къ подписанію договора“... На другой день государь пришелъ вновь къ баронессѣ, онъ принялъ къ свѣдѣнію тѣ, впрочемъ, мало значущія, замѣчанія, которыя были сдѣланы ему, и взялъ съ собою договорный актъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ обнародованъ внослѣдствіи¹⁾.

Такъ явился знаменитый актъ такъ—называемаго „священного союза“ трехъ государей—представителей трехъ главныхъ вѣроисповѣданій Европы, въ которомъ склонность императора Александра къ религіозно-мистическимъ воззрѣніямъ получила міровую окраску. Конечно не восторженная въ своихъ мистическихъ созерцаніяхъ баронесса Крюденеръ была виновницей этого акта, идея котораго возникла въ императорѣ прежде свиданія съ нею; но она дѣйствовала въ отношеніи къ государю совершенно въ тонѣ мистическаго его настроенія и въ этомъ смыслѣ ей принадлежитъ извѣстная доля участія въ происхожденіи знаменитаго акта. Содержаніе этого акта съ политической точки зрѣнія было такъ же неуловимо и отвлеченно, какъ и та универсальная евангельская религія, которая была положена въ его основу. Актомъ священнаго союза, подписаннымъ 14 сентября 1815 года тремя союзными монархами, торжественно объявлялось непоколебимо принятое ими рѣшеніе—„какъ въ управленіи ввѣренными

¹⁾ Тамъ же, р. 96.

имъ государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями сея святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира“¹⁾. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, государь издалъ 25 декабря 1815 года манифестъ съ приложеніемъ этого акта для прочтенія въ церквахъ²⁾. По Высочайше утвержденному опредѣленію Св. Синода было опредѣлено, напечатать его, поставить на стѣнахъ храмовъ, а индѣ вырѣзать на дскахъ; также заимствовать изъ него мысли для проповѣдей и т. д. Кромѣ того, 27 октября 1817, по докладу синодальнаго оберъ-прокурора, князя А. Н. Голицына, Высочайше было повелѣно читать его въ градскихъ и сельскихъ церквахъ каждое 14 сентября (день подписанія союзнаго акта), т. е. въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго креста, вмѣстѣ съ манифестомъ³⁾.

Изъ за границы императоръ Александръ возвратился въ Россію совершеннымъ мистикомъ. Побуждаемый мистическимъ настроеніемъ, онъ любилъ теперь постоянно бесѣдовать о внутреннемъ дѣйствіи Святаго Духа, ожидалъ для себя духовныхъ благъ и получалъ ихъ посредствомъ внутренняго назиданія и озаренія свыше, молился духовною молитвою⁴⁾. Въ это время онъ особенно глубоко былъ проникнутъ чувствомъ смиренія предъ дѣйствіями Божественнаго промысла и самоотверженно заботился о своемъ нравственномъ очищеніи. „Наконецъ,—разсказываетъ князь А. Н. Голицынъ,—государь возвратился къ намъ въ Петербургъ ...Я не могъ довольно насмотрѣться на возлюбленнаго Александра; онъ весь былъ проникнутъ смиреніемъ и самоотверженіемъ; въ

¹⁾ „Поля. собр. зак. Росс. имперіи“, т. XXXIII, № 25,943.

²⁾ Тамъ же, № 26,045.

³⁾ „Сборн. Археолог. Общ.“, Спб. 1872 г., кн. II, стр. 109.

⁴⁾ „Русс. Старина“ 1874 г., январь.

пылу неумолкающихъ плесковъ народныхъ, онъ все воздавалъ Господу силу и Ему только Одному усвоивалъ побѣду... Но, не смотря на все сіе, я не могъ не замѣтить, по короткой связи моей съ государемъ, что заботила Александра прежняя его жизнь. Доброта его не могла однакожъ рѣшиться принять на себя внезапное расторгеніе прежнихъ связей и тѣмъ преогорчить сердце своего ближняго. Государь гнушался уже порокомъ, но падалъ свое добродушіе. „Не знаю, какъ мнѣ уклониться отъ Марьи Антоновны (Нарышкиной) ¹⁾, — говорилъ онъ Голицыну, — какъ мнѣ съ нею свидѣться, чтобъ сказать ей, что я ее оставляю“. И вотъ, — продолжаетъ свой рассказъ князь Голицынъ, — на другой же день по его пріѣздѣ (въ столицу), я отправляюсь къ нему на Каменный островъ. Государь встрѣчаетъ меня съ радостнымъ видомъ, съ увлеченіемъ сжимаетъ меня въ своихъ объятіяхъ и сквозь слезы говоритъ мнѣ: „знаешь ли ты мою радость, Голицынъ? Ты себѣ представить не можешь, какъ легко мнѣ было, противъ всякаго моего чаянія, развязаться съ старинными связями моего порока; мнѣ видимо Господь и въ этомъ помочь“ ²⁾.

¹⁾ Вотъ какія свѣдѣнія находимъ мы объ этой женщинѣ и объ отношеніи къ ней императора Александра въ одномъ документѣ. „До сихъ поръ (т. е. до 1804 года.) — сообщается здѣсь — императоръ Александръ I остается вѣрнѣйшей привязанности и избралъ предметомъ ея самую красивую женщину при своемъ дворѣ. Марья Антоновна Нарышкина, полька по происхожденію, рожденная княжна Четвертинская, сумѣла снискать расположеніе Александра I и онъ вѣрнѣйшей ей уже три года, не смотря на нѣкоторые мимолетныя непостоянства, составляющія, повидимому, удѣлъ какъ монарха, такъ и частнаго человѣка. Однако привязанность эта сохраняетъ до сихъ поръ видъ салоннаго ухаживанья, не принимая того отбѣга гласности, которымъ нерѣдко отличаются привязанности монарховъ. Повидимому императоръ видится съ своею возлюбленною только случайно. Еще болѣе необыкновенно, что до сихъ поръ г-жа Нарышкина не принимала участія въ дѣлахъ и императоръ, кажется, настолько владѣетъ собой, что даетъ избранной своею сердца лишь ограниченную власть“ („Русс. Старина“ 1880 г., декабрь, стр. 796—797).

²⁾ „Русс. Архивъ“ 1886 г., кн. II, стр. 100—101.

Религиозно-мистическое настроеніе императора Александра, какъ само собою понятно, оказало свое могущественное дѣйствіе и на настроеніе высшаго русскаго общества и болѣе или менѣе образованныхъ и развитыхъ людей вообще. Прежняго вольнодумства, которое еще такъ недавно было въ большомъ ходу при дворѣ, точно не бывало. Напротивъ, теперь повсюду были слышны рѣчи о внутреннемъ обновленіи человѣка, о внутреннемъ хожденіи его путями редигii и нравственности, объ озареніи отъ Святаго Духа, о козняхъ князя тьмы, подъ которыми разумѣли все, что было не согласно съ идеями модной мистической вѣры, въ томъ числѣ иногда и ученіе православной церкви. Дворъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, также мистически настроенной, наполнился дамами мистическаго пошиба, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли на нее большое вліяніе, напр., княгиня Анна Голицына и извѣстная уже намъ княгиня С. С. Менцерская (сестра Голицыной) и Стурдза. Не встрѣчая себѣ никакого противодѣйствія, наоборотъ явно поддерживаемая самою властію, мистическія воззрѣнія проникли даже въ литературу. Отголоски этихъ воззрѣній, впрочемъ, не противорѣчившихъ духу православія, слышны въ проповѣдяхъ священника А. Малова, въ бесѣдахъ С--Петербургскаго митрополита Михаила ¹⁾ и отчасти въ первыхъ словахъ Филарета ²⁾. Мистическая литература повсюду не только читается съ увлеченіемъ, но и предпочитается всякой другой. Въ самой столичной цу-

¹⁾ См. „Бесѣды въ разныя времена говоренныя Михайломъ“ 16 ч., 1855 — 1856.

²⁾ И. Корсунскаго „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета“ въ „Вѣрѣ и Раз.“ 1884 г., № 22, стр. 599—612. Ср. 1888 г., № 12, стр. 770 и дд.—„Обладая глубокимъ и свѣтлымъ умомъ, діалектическимъ анализомъ, замѣчательною строгостію къ себѣ, къ каждой своей мысли и даже выраженію, Филаретъ имѣлъ полную возможность критически относиться къ современнымъ увлеченіямъ и удерживать только то, что было добраго и хорошаго въ тогдашнемъ мистицизмѣ“ (И. Катетова „Графъ М. М. Сперанскій“ въ „Прав. Собесѣдникѣ“ 1889 г., № 6, стр. 307).

ховной академіи студенты, по свидѣтельству юрьевского архимандрита Фотія, зачитывались ею до самозабвенія и безъ всякаго препятствія со стороны начальства ¹⁾. Академическій журналъ „Христіанское Чтеніе“, первый по времени изданія духовный органъ (съ 1821 года), на первыхъ порахъ несомнѣнно держался православно-мистическаго направленія. Къ числу слишкомъ ревностныхъ сторонниковъ мистицизма среди членовъ высшаго духовенства относились: архіереи—Іона (Павинскій) тверской, котораго за направленіе не одобряли не только Фотій ²⁾, но и Филаретъ ³⁾,—Симеонъ (Крыловъ) тульскій, о которомъ имѣемъ обидно одобрительный отзывъ путешествовавшихъ въ 1818 году квакеровъ ⁴⁾,—Онисифоръ (Боровинъ) вологодскій, видѣвшій однажды какое-то тайное видѣніе на ладоняхъ и по этому случаю вызывавшійся къ государю въ Петербургъ, и отчасти Димитрій (Сулима) кишиневскій,—изъ архимандритовъ—законоучитель одесскаго ришельевского лица, архимандритъ Теофилъ ⁵⁾. Изъ лицъ бѣлаго духовенства, отличавшихся чрезмѣрнымъ увлеченіемъ мистицизма, извѣстны: балтскій священникъ Θεодосій Левицкій, горячій проповѣдникъ близкой кончины міра, и подольскій священникъ Θεодоръ Листвичъ. Оба они, первый въ 1823, второй въ 1824 годахъ, по желанію князя А. Н. Голицына, были вызваны въ Петербургъ; здѣсь они нашли себѣ самый радушный пріемъ на тверскомъ подворьѣ жившаго тогда въ столицѣ, по званію синодальнаго члена, архіепископа Іоны ⁶⁾. и специально занялись чтеніемъ разнообразныхъ мистическихъ книгъ. какія получали отъ Голицына и Іоны. Левицкій написалъ даже сочиненіе о кончинѣ міра, которое весьма по-

¹⁾ „Астобіографія Фотія“, кн. I, глава 4, 71.

²⁾ Филарета черниг. „Обзоръ дух. писат.“, ч. II, стр. 223.

³⁾ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1870 г., т. I, стр. 236.

⁴⁾ „Русс. Старина“ 1874 г., январь.

⁵⁾ „Христ. Чт.“ 1872 г., апрѣль, стр. 670—675.

⁶⁾ „Правосл. Обзор.“ 1872 г., іюль—августъ, прилож. стр. 19.

навилось государю, но не было издано по неодобрению Св. Синодомъ ¹⁾. До какой крайней степени увлечения мистическими идеями доходили нѣкоторыя лица изъ духовенства,— печальнымъ примѣромъ этого можетъ служить законоучитель второго морского кадетскаго корпуса, іеромонахъ Іовъ, который въ порывѣ фанатической ревности въ духѣ отрицанія всего внѣшняго въ религіи, вошелъ однажды предъ литургіей въ корпусную церковь и изрѣзалъ церковнымъ копѣемъ иконостасные образы Спасителя и Божіей Матери, писанные на холстѣ. По разслѣдованіи дѣла архимандритомъ Фотіемъ оказалось, что онъ былъ членомъ мистико-масонскаго общества Лабзина ²⁾. Изъ свѣтскихъ мистиковъ достаточно назвать Сперанскаго, предававшагося мистическимъ занятіямъ съ 1804 года ³⁾ и Лубяновскаго. Мистицизмъ сдѣлался настолько распространеннымъ въ это время, что мистическая атмосфера охватила даже дѣтей: по рассказамъ князя А. Н. Голицына англійскимъ квакерамъ, дѣти, озаренныя Святымъ Духомъ дѣлались орудіями обращенія своихъ родителей ⁴⁾.

Конечно, многіе въ своихъ мистическихъ увлеченіяхъ платили дань простому подражанію или модѣ, но и за вычетомъ этихъ лицъ не мало было еще и такихъ, которые ступили на скользкій путь мистицизма по искреннему убѣжденію. Въ числѣ этихъ послѣднихъ первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ князю А. Н. Голицыну, который былъ набоженъ искренно, а не по расчету, какъ многіе другіе, втрившіе мистическому образу мыслей государя ⁵⁾.

¹⁾ „Русс. Старина“ 1880 г., стр. 137—168; 645—682. Ср. 1882 г., стр. 537—604.

²⁾ „Автобіографія Фотія“, кн. II. Ср. „Дух. Бесѣда“ 1865 г., № 10, стр. 27—29.

³⁾ Знаменскаго „Чтенія изъ истор. русс. ц. за время царств. императора Александра I“, стр. 183—189.

⁴⁾ „Русс. Старина“ 1874 г., январь.

⁵⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1867 г., т. IV, стр. 74. Ср. Богдановича „Истор. царствованія импер. Александра I“, т. V, стр. 337.

Обращеніе князя Голицына къ вѣрѣ послѣдовало, какъ извѣстно, въ бытность его оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Въ первые дни послѣ вступленія въ эту важную должность, онъ, по его собственнымъ словамъ, „ничему не вѣрилъ“ и только принуждалъ себя относиться къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей „съ языческою добросовѣстностію“; съ теченіемъ же времени, когда подъ вліяніемъ новыхъ условій служебной дѣятельности, въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ произошла рѣзкая перемѣна, Голицынъ получилъ и нравственную возможность добросовѣстно исполнять обязанности синодальнаго оберъ-прокурора и въ одномъ частномъ разговорѣ рѣшился даже сказать государю, что онъ „вѣритъ всему тому, чему православная церковь вѣритъ научаетъ“. Послѣ этого разговора, кончившагося ироническимъ замѣчаніемъ императора (въ то время еще не стоявшаго на пути къ вѣрѣ): „вижу, что попы сдѣлали надъ тобою свое дѣло“, государь по временамъ бесѣдовалъ съ княземъ Голицынымъ о христіанской религіи; но, по словамъ Бартенева, „философская полемика Александра гранила неопытную и безъискусственную вѣру князеву“. „Государь.—говаривалъ ему Голицынъ,—я не знаю, какъ опровергнуть Васъ словомъ; но все внутреннее существо мое діаметрально, такъ сказать, не согласуется съ Вашими мнѣніями; и Ваши разсужденія и вся полемика Ваша лишь одно во мнѣ производитъ, что я болѣе вѣрю и всему вѣрю охотнѣе, нежели когда либо“¹⁾.

Важность возложенныхъ на князя Голицына обязанностей синодальнаго оберъ-прокурора, кругъ дѣлъ, имѣющихъ по преимуществу духовно-нравственный характеръ, общество лицъ высшаго духовнаго образованія, чтеніе Свящ. Писанія, актовъ вселенскихъ соборовъ и отеческихъ правилъ,—все это мало-по-малу произвело въ немъ религіозную настроенность²⁾.

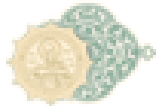
1) „Русс. Архивъ“ 1886 г., кн. II, стр. 68—69.

2) Тамъ же.

„Между тѣмъ въ моей душѣ.—разсказываетъ о себѣ Голицынъ,—хотя медленно, но явственно для самого меня происходили какія-то странныя движенія. Я добросовѣстно вѣрилъ истинамъ Свящ. Писанія; вѣрилъ охотно и добродушно всему, что религія ни представляла для наружнаго наблюденія и исполненія, и сердце мое хотя и носило въ себѣ полное ко всему убѣжденіе, но выражать это живое убѣжденіе въ словѣ, но опровергать въ полнотѣ и съ нѣкоторою методою встрѣчавшійся скептицизмъ въ людяхъ я никакъ не могъ и не рѣшался. Самое даже желаніе, столь естественное и сообразное по роду службы моей, чтобъ понаучиться этимъ контроверзическимъ розысканіямъ, было во мнѣ всегда останавливаемо какою-то неотразимою робостію, коей никакъ я не могъ препобѣдить въ себѣ. Положеніе мое было тѣмъ страннѣе, что, обращаясь ежедневно съ членами Синода, я имѣлъ, такъ сказать, подъ рукою всю возможность исправлять въ этомъ отношеніи свои недостатки, но, не смотря на сіе, я молчалъ, опасаясь соблазнить тѣмъ своего ближняго“¹⁾.

Прежнимъ очень свободнымъ понятіямъ князя Голицына, какъ мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, вполне соответствовали и его образъ жизни. Теперь, съ переменною религіозныхъ убѣждений, онъ сталъ чувствовать несогласіе нѣкоторыхъ своихъ старыхъ привычекъ съ важностію занимаемаго имъ поста и постепенно началъ оставлять ихъ. „Желая, чтобъ практическая жизнь моя сколько-нибудь согласовалась съ моимъ религіознымъ увлеченіемъ, я.—разсказываетъ Голицынъ.—ничего у себя не переменяя по видимости, счелъ однако за нужное многое измѣнить въ моей домашней жизни: началъ наружно поститься, а внутренно уязвлять плоть свою нѣкоторыми лишеніями. Я отбросилъ мягкій пуховикъ и сталъ спать на узкой деревянной лавкѣ. Это было настоящее Прокрустово ложе для моего тѣла. потому что лавка была узка

¹⁾ Тамъ же, стр. 76.

и коротка, и мнѣ часто доводилось сидя только подремать на ней. Иногда даже я тутъ и засыпалъ отъ изнеможенія: въ спальную же себѣ я выбралъ комнату сырую, и это начинало отчасти разстраивать мое здоровье“. Благодаря такому суровому образу жизни, нравственное поведеніе князя улучшилось: „Многія уже страсти,—продолжаетъ онъ свой рассказъ,—улеглись во мнѣ, или уступали противоборству; ибо я по мѣрѣ возможности неуклонно имъ воспротивлялся“ ¹⁾.

Возникшее въ князѣ Голицынѣ нравственно-религіозное настроеніе побудило его испросить Высочайшее соизволеніе на открытіе въ своей квартирѣ ²⁾ домової церкви. Государь пожаловалъ ему для этой церкви иконостасъ, хранившійся въ Эрмитажѣ. Сообщая объ этомъ митрополиту Амвросію отъ 22 сентября 1812 года, Голицынъ увѣдомлялъ его, что освященіе церкви назначено на 1 октября и что совершать оное будетъ ректоръ академіи, архимандритъ Филаретъ ³⁾; при этомъ онъ просилъ митрополита прислать надлежащее число священнослужащихъ, ризницу и въ заключеніи писалъ: „я надѣюсь, что Ваше Высокопреосвященство *почтите сію*

¹⁾ Тамъ же, стр. 77—78.

²⁾ Князь Голицынъ квартировалъ на Фонтанѣ, въ домѣ (нынѣ) министерства императорскаго двора („Русс. Арх.“ 1878 г., кн. III, стр. 249).

³⁾ По поводу освященія этой церкви Филаретъ писалъ къ своему отцу отъ 2 декабря 1812 года: „она освящена мною въ первый день октября, въ присутствіи Св. Синода и блистательнаго собранія дворянства. Говоренную при семъ случаѣ проповѣдь доставляю вамъ послѣ при случаѣ. Въ память сего случая имѣю я красивый золотой крестъ наперсный отъ усерднаго храмоздателя. Храмъ Святаго Духа не великъ, но благоуханенъ, и посѣщается немногими, но *такими людьми, въ которыхъ съ почтеніемъ видѣть можно примѣры благочестія*. Я имѣлъ утѣшеніе нѣсколько разъ въ немъ священнодѣйствовать. Въ одинъ изъ такихъ случаевъ, когда меня убѣждали повторить проповѣдь, говоренную при освященіи храма, но я не могъ себя принудить къ тому, говорилъ я вмѣсто того бесѣду, которую при семъ прилагаю. Она счастлива тѣмъ, что въ 30 день прошлаго мѣсяца я заставленъ былъ служить въ томъ же храмѣ и повторить ее предъ такимъ лицемъ, котораго никогда не могъ представить моимъ слушателемъ“ (предъ Высочайшею особою) („Письма Филарета къ роднымъ“, стр. 166—167).

духовную церемонію *Вашимъ присутствіемъ и благословите хозяина*“. Въ ноябрѣ того же года князь Голицынъ просилъ митрополита Амвросія опредѣлить священникомъ къ его церкви ключаря соборной церкви въ г. Софіи протоіерея Григорія Гомзина, на что митрополитъ изъявилъ полное свое согласіе, сохранивъ за Гомзинымъ положеніе и при Софійскомъ храмѣ ¹⁾. Поэтъ Г. Р. Державинъ, одинъ изъ усердныхъ посѣтителей домово́й церкви Голицына, воспѣлъ ее особыми стихами ²⁾.

Подъ вліяніемъ своего религіознаго увлеченія князь Голицынъ старался придать самому занимаемому имъ помѣщенію какую-то особенную таинственную обстановку, при которой онъ отдавался самой изысканной религіозности. Описывая эту обстановку, Бартеневъ въ своихъ запискахъ говорить: „Налѣво отъ затѣйливой домашней церкви князевой есть двѣ темныя комнатки, въ которыхъ наглухо закладено окно, нѣкогда обращенное къ сосѣднему дому. Оставаясь въ одной изъ этихъ комнатъ, можно явственно слушать все, что происходитъ въ церкви. Комнатки эти очень тѣсны, и въ первой изъ нихъ, служащей преддверіемъ къ другой, повѣшено на голыхъ и сырыхъ стѣнахъ нѣсколько иконъ, подаренныхъ и благословенныхъ въ разное время и разными лицами князю. Предъ нѣкоторыми изъ иконъ теплятся скромныя и небогатыя лампады. Около сырыхъ стѣнъ комнатки обведены узкія лавки; къ сторонѣ стоитъ низенькій деревянный стулецъ, напоминающій намъ, какъ нѣкогда православные отшельники наши, сидя на таковомъ, творили Іисусову молитву. Направо отъ входа въ другую комнату, въ которой нѣтъ дверей, повѣшена простая икона, безъ оклада, Спаса Нерукотвореннаго, и вотъ подъ этою-то иконою безсознатель-

¹⁾ Чистовича „Руковод. дѣятеля дух. просвѣщ. въ Россіи“, стр. 157. примѣчаніе.

²⁾ „Сочиненія Державина“, Спб. 1845 г. (изд. Штукина), ч. I, стр. 125.

ный ребенокъ нѣкогда былъ положенъ, чтобы быть пость передану въ объятія матери ¹⁾). Въ срединѣ второй комнатки стоитъ подобіе гроба. Оно приставлено къ подножію огромнаго деревяннаго креста, на гробѣ положена плащаница, принадлежащая церкви; предъ гробомъ вмѣсто люстръ сдѣлано изъ пунцоваго стекла изображеніе человѣческаго сердца, и въ этомъ сердцѣ теплится неугасимый огонь. Комната едва освѣщена краснымъ, унылымъ пламенемъ; томное гореніе сердца, при совершенной темнотѣ, сильно поражаетъ чувства и воображеніе: сгорающее сердце кажется кровавымъ и раскаленнымъ. По утрамъ уходитъ князь въ эту уединенную сѣнь свою; онъ иногда сидитъ на этомъ низкомъ стульцѣ и прилежно внимаетъ ищущему своему сердцу, или иногда, распростираясь предъ Распятіемъ, онъ служитъ живымъ символомъ, какъ земное величіе долженствуетъ уступать и повергаться къ подножію Креста Господня. По вечерамъ обыкновенно запирается онъ въ своемъ кабинетѣ и тамъ, уже нѣкъмъ невидимый, приноситъ тихую обычную свою молитву. Бывало, прѣхавъ съ шумнаго земного позорища, снѣшно скидываетъ онъ свои блестящія регалии и снѣшить въ эту темную каморку; и если въ кабинетѣ своемъ онъ сбрасываетъ людскія отличія, то въ каморкѣ обнажаетъ уже свое сердце предъ Господомъ. Въ этой уединенной каморкѣ маливался вмѣстѣ съ княземъ и императоръ Александръ. Въ этомъ же сыромъ и темномъ чуланѣ на его узкихъ лавкахъ, спалъ нѣкогда и князь, когда въ первомъ взрывѣ своего религіознаго побужденія, онъ думалъ послужить Господу неблагоразумнымъ умерщвленіемъ своего тѣла. Однажды, — рассказывалъ Голицынъ Бартеневу, — это было помнится въ одну страстную пятницу, хотѣлось мнѣ въ подобіе страданію Господа нашего Иисуса Христа и на себѣ испытать что-либо.

1) Разумѣется извѣстный уже намъ случай изъ младенческой жизни князя Голицына.

Я ничего не вѣлъ въ этотъ день и въ жару неблагоразумнаго ревнованія усиленно просилъ Господа проявить мнѣ подобіе Своего страданія именно на головѣ. Пусть живо чувствую Твой терновый вѣнецъ, сказалъ я, и вотъ, къ крайнему удивленію моему, эта молитва исполняется: мнѣ почувствовалось, что вся кровь изъ тѣла моего приступила къ головѣ моей; черепъ мой, казалось, трещалъ отъ нестерпимой боли; я метался и не зналъ, что съ собою дѣлать. Я громко призывалъ помощь Божію и раскаявался въ дерзновенномъ моемъ желаніи; отъ нестерпимой боли и въ чаяніи избавленія я схватилъ большой деревянный крестъ, который ты видѣлъ и, обоими руками приподнявъ его, поставилъ на свою голову. И вотъ, къ радостному моему удивленію, налившаяся въ голову кровь, исподволь и ощутимо даже для меня самаго, стала стекать чрезъ шею въ спину, и облегченіе мое не замедлило¹⁾.

Подобную же религіозную обстановку Голицынъ старался дать и остальному помѣщенію въ своей квартирѣ. Извѣстный священникъ Θεодосій Левицкій, рассказывая въ своей автобіографіи о первомъ своемъ посѣщеніи князя Голицына въ Петербургѣ, пишетъ: „Голицынъ, повелъ меня въ большую изрядѣйшую и священную его залу, которая вся убрана прекрасными списками съ чудотворныхъ иконъ Спасителя Христа, сколько только таковыхъ есть знаменитѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ, по всѣмъ церквамъ христіанскимъ и племенамъ: коими не можно довольно насладиться. Хотя много есть у него и другихъ залъ однако онъ обыкновенное свое занятіе государственными дѣлами имѣетъ не въ какой другой, только въ одной священной, гдѣ со всѣхъ сторонъ и со всякой точки смотритъ на него Спаситель, и онъ его сколько только подниметъ глаза и куда не обратится, вездѣ встрѣтитъ. Въ сей залѣ, какъ теперь, такъ и послѣ сего, сколько тол-

1) „Русс. Архивъ“ 1886 г., кн. I, стр. 370—372.

ко присылать за мною князь, всегда угощалъ меня чаемъ, также чтеніемъ или житія святаго того дня, либо другой какой священной книги, а особливо получаемыхъ имъ любопытныхъ свѣдѣній не только изъ всей Россіи, но даже изъ другихъ иностранныхъ націй, о разныхъ дивныхъ мужахъ и знаменіяхъ, и пророчествахъ, и подобныхъ моему по Христъ труду, о приближавшемся судѣ и царствіи Божіемъ и подвигахъ.“¹⁾

Изъ всѣхъ религіозныхъ занятій князя Голицына самымъ любимымъ, такъ-сказать, было чтеніе Свящ. Писанія, съ котораго собственно и начался радикальный переворотъ въ его внутренней духовной жизни. Но неподготовленность къ правильному пониманію слова Божія и отсутствіе надлежащаго руководства при чтеніи его, увлекли скоро Голицына на ложный и вредный, особенно въ его положеніи, путь религіознаго мистицизма, согласно которому, въ одномъ словѣ Божіемъ для него заключалось все: вѣра, церковь, оправданіе, спасеніе и т. п.

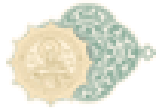
Обращеніе князя Голицына къ мистицизму, по собственнымъ его рассказамъ Бартеневу, произошло подъ вліяніемъ извѣстнаго мистика П. А. Кошелева, съ которымъ онъ впервые познакомился около 1810 года. Въ этомъ году состоялось подъ предѣтельствомъ самого государя одно изъ чрезвычайныхъ засѣданій Государственнаго Совѣта, на которомъ Голицынъ горячо опровергалъ „артикулы“ Сперанскаго о гражданскомъ бракѣ. Разсказавъ Бартеневу объ этомъ „состязаніи“ своемъ съ Сперанскимъ²⁾, князь Голи-

1) „Русс. Старина“ 1880 г., сентябрь, стр 141—145.

2) По рассказамъ Голицына, „Сперанскій въ то время подготовилъ для Государственнаго Совѣта законы для браковъ, совершаемыхъ въ имперіи. Сперанскій смотрѣлъ на бракъ съ полуязыческой точки зрѣнія, словно какъ на произвольную гражданскую стачку, отстраняя внутренні каноническаго права, издревле на Руси чтимаго, и забывалъ нѣкоторымъ образомъ, что бракъ есть таинство. Артикулы этихъ законовъ въ приспособленіи къ практической гражданской жизни

цынъ продолжаетъ: „апологія моя въ защиту правилъ христіанства (относительно брака) доставила мнѣ поводъ сблизиться съ такими людьми, которыхъ я доселѣ зналъ по одной лишь наружности. Нѣкто Родіонъ Александровичъ Кошелевъ (бывшій оберъ-гофмейстеръ двора Его Величества) тогда же (на засѣданіи Государственнаго Совѣта) подходитъ ко мнѣ и говоритъ: Почтенный князь, вы такъ превосходно защищали въ Совѣтѣ права христіанства, такое раскрывали чи-

были болѣе, нежели нелѣпы; ибо разбирательство дѣлъ до браковъ касающихся, съ обширными вѣтвями всѣхъ подраздѣленій такого рода, по силѣ этого закона, отнимаемо было изъ сферы духовнаго вѣдомства и предназначаемо мѣстнымъ гражданскимъ властямъ“. Проектъ этого закона, переданный на предварительное разсмотрѣніе Св. Синода, почти единогласно былъ отвергнутъ. „Наконецъ,— рассказываетъ князь Голицынъ,— сіи несчастные пункты о супружествѣ переходятъ къ слушанію и въ Государственный Совѣтъ; на это время самъ Александръ тамъ предсѣдательствовалъ. Вотъ, наконецъ, артикулы о бракѣ читаются въ моемъ присутствіи. Мнѣ въ то время какъ-то не здоровилось, и я очень кашлялъ. Во время этого чтенія признаюсь, я не былъ равнодушенъ; душа моя волновалась и возсылала пламенную молитву къ небу, ибо въ окончательномъ утвержденіи сего проекта я предусматривалъ даже самую ослабу русской церкви и позоръ отечественныхъ нравовъ. Когда окончилось чтеніе, тогда я вдругъ какъ-бы подвинулся какою-то силою и доселѣ робкій для всякой публичной импровизаціи, я смѣло подошелъ и остановился противъ креселъ Александра. Свободно и торжественно принялся я опровергать премудрые доводы моего могучаго въ словѣ и дѣлѣ соперника (Сперанскаго). Я какъ-то живо ощущалъ, что Самъ Господь подкрѣплялъ меня. Не помню уже теперь содержанія своей рѣчи, но то однако осталось для меня памятно, что всѣ нужные для сего евангельскіе тексты съ обиліемъ подставлялись тогда моему воспоминанію, и я, проникнутый правотою своего предмета, въ благовѣстіи Распятаго Иисуса находилъ и крѣпость, и подпору моимъ доказательствамъ. Я тутъ же замѣтилъ, что Сперанскому очень было непріятно выслушивать мои опроверженія, и онъ не вытерпѣлъ, чтобы тотчасъ мнѣ не замѣтить, что понятія мои и правила, извлекаемые изъ Евангелія, въ приложеніи къ трактуемому проекту о бракахъ могли только своевременно быть пригодны для однихъ жидовъ. Я пресѣлъ тогда рѣчь свою и сказалъ Александру, что для меня очень странно, чтобы въ русскомъ и православномъ царствѣ я могъ услышать эту новую и миную истину, которая утверждаетъ, что Евангеліе составлено для однихъ только жидовъ. Доселѣ я полагалъ, сказалъ я, возвыся голосъ, что это святое благовѣстіе передано въ наслѣдіе всему человѣчеству и что оно по справедливости составляетъ священное и полезное достоинство не только

стое ревнованіе вашего сердца, что мнѣ было бы очень пріятно покороче съ вами познакомиться; мало этого, мнѣ бы даже хотѣлось заслужить вашу пріязнь и дружбу. Съ тѣхъ поръ Родіонъ Александровичъ началъ часто приглашать меня къ себѣ и самъ ко мнѣ ѣздить. И вотъ съ этого то времени образовалась между нами та короткая связь, которая окончилась лишь съ его смертію. Мало по малу Кошелевъ сердечно ко мнѣ привязался, и наконецъ, онъ такъ полюбилъ

христіанъ и евреевъ, но и самихъ язычниковъ. Сказавъ сіе, я замолчалъ и отошелъ прочь, а разсматриваемый проектъ утвердился, имѣя въ пользу свою и большинство голосовъ Совѣта, и окончательное согласіе съ онимъ самого государя“. („Русс. Архивъ“ 1886 г., кн. II, стр. 71—74). Но, „по прошествіи нѣкотораго времени.—продолжаетъ князь Голицынъ,—Сперанскій предложилъ государю странную мысль разослать законы о супружествѣ, однажды утвержденные самодержавною властію, снова на разсмотрѣніе временныхъ губернскихъ комитетовъ. Государь охотно согласился на это предложеніе Сперанскаго. Однако эти законы о супружествѣ, вслѣдствіе происшедшаго вскоре послѣ этого паденія и ссылки Сперанскаго, отложены были, такъ-сказать, въ долгій ящикъ подъ красное сукно“. (Тамъ же, стр. 84—86). „По возвращеніи Сперанскаго изъ ссылки въ Петербургъ, супружескіе законы,—разсказываетъ Голицынъ,—разсматривались въ какомъ-то протестантскомъ направленіи; члены Государственного Совѣта хотѣли усвоивать нашимъ православнымъ мужичкамъ способность или право разводиться съ своими хозяйками по германскому термину: „отъ слова и ложа“. Государь, ставшій къ тому времени глубоко вѣрующимъ человекомъ, совсѣмъ уже иначе началъ смотрѣть на этотъ предметъ. „И вотъ, однажды,—продолжаетъ свой разсказъ Голицынъ,—призываетъ онъ меня къ себѣ и говоритъ мнѣ: „Голицынъ, возьми, пожалуйста къ себѣ извѣстные пункты законовъ о супружествѣ, собери ихъ вмѣстѣ съ поданными голосами рго и сопга, запечатай всѣ эти бумаги въ одинъ пакетъ и пусть онъ лежать у тебя въ домѣ до моего особеннаго востребованія. Ты не можешь себѣ представить, какъ эта дичь мнѣ наскучила, продолжалъ государь. И потому сдѣлай милость, избавь меня отъ нея скорѣе“. И вотъ я беру эти зловѣщія пункты, аккуратно ихъ запечатываю въ толстый и обширный пакетъ и укладываю на вѣчное успокоеніе въ дальній ящикъ моего письменнаго стола. Государь Александръ никогда не спрашивалъ пакета. И вотъ, уже послѣ его кончины, довелось мнѣ однажды случайно вспомнить о немъ, и я его представилъ государю Николаю, который препроводилъ пакетъ къ Сперанскому“ (Тамъ же, стр. 101—102). Митрополитъ Филаретъ видѣлъ въ этомъ „возстаніи“ князя Голицына противъ „артикуловъ“ Сперанскаго, не достаточно охранявшихъ святость христіанскаго брака, „весьма значительную“ заслугу его передъ церковію („Прав. Обзоръ.“ 1868 г., № 8, стр. 528).

меня, что, не смотря на разность лѣтъ нашихъ (онъ старѣе меня былъ 17 или 18 годами), не смотря на свою какую то чинность и степенность, довѣрялся мнѣ вполнѣ и совершенно уже разоблачилъ свое сердце. Вотъ я началъ ѣздить часто къ Родіону Александровичу. Его бесѣды и мнѣнія мнѣ постоянно нравились; но если сказать по истинѣ, то я понималъ изъ нихъ только одну половину. Старикъ Кошелевъ не могъ не производить на меня сильнаго впечатлѣнія. Онъ, объѣздившій большую часть Европы, нѣкогда находился въ связи, болѣе или мѣнѣе тѣсной со всѣми именитыми ея людьми по благочестію и христіанской мудрости. Кошелевъ знавалъ лично замѣчательнаго Эккартегаузена, теозофа Сень-Мартени, духовидца Сведенборга, Лафатера, а съ нѣкоторыми изъ нихъ даже велъ и настоящую переписку. Онъ иногда удивлялъ меня и даже поражалъ своими смѣлыми и свѣтлыми взглядами на нѣкоторые важные предметы, но для меня все еще казался во многомъ закрытымъ, и это не потому, чтобы недоставало у него ко мнѣ довѣрія, но болѣе, кажется, происходило отъ того, что собственный взоръ мой былъ какъ-то слабъ отъ неопытности и потому не достигалъ до тѣхъ предметовъ, кои были доселѣ для него новы, или даже и вовсе чужды его понятіямъ. Что же касается до моихъ отношеній къ старику Кошелеву, то я въ присутствіи его всегда старался быть какъ можно болѣе осторожнымъ и скрытымъ“ ¹⁾).

„Однажды,—разсказываетъ Голицынъ,—Родіонъ Александровичъ приглашаетъ меня къ себѣ и вмѣстѣ съ симъ извѣщаетъ, что онъ пригласилъ къ себѣ и Александра Алексѣевича Лѣнивцова. Этотъ Лѣнивцовъ извѣстенъ былъ въ Петербургѣ за человека отличнаго ума и благочестія. Онъ, какъ послѣ я узналъ, принадлежалъ къ высшимъ степенямъ одной (въ Москвѣ) масонской ложи. Лѣнивцовъ имѣлъ рѣд-

¹⁾ „Русс. Архивъ“ 1886 г., кн. II, стр. 75—76, 79.

кій даръ говорить сладко и увлекательно, и я навѣрное догадывался, что Кошелевъ пригласилъ его вмѣстѣ со мною для того, чтобы заставить его говорить въ моемъ присутствіи и чрезъ то растопить, такъ сказать, во мнѣ всегдашнюю осторожность и недоувѣрчивость. И въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ въ Лѣнинцовѣ сильное и убѣжденное краснорѣчіе; оно при томъ соединено у него было съ какою то необыкновенною мягкостію и ясностію изложенія. Но, не смотря на все это, старикъ Кошелевъ не достигнулъ на этотъ разъ своей цѣли. напротивъ того, они даже немного встревожили мой религіозный фанатизмъ, который только въ наружныхъ бдѣніяхъ, постахъ и устной молитвѣ думалъ доселѣ находить и цѣль и средство для своего любимаго занятія“ ¹⁾).

Но Кошелевъ былъ настойчивъ въ достиженіи разъ намѣченной цѣли. Для скорѣйшаго обращенія князя Голицына въ мистицизмъ, онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, ввести его въ домъ одной мистически-настроенной великосвѣтской дамы—Плещеевой. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ самъ Голицынъ. „Жена покойнаго Сергѣя Ивановича Плещеева,—говоритъ онъ,—пользовалась тогда особенною довѣренностію Родіона Александровича, который ей былъ родственникъ; старикъ охотно и часто любилъ у нея бывать, но онъ чаще того и охотнѣе приглашалъ ее къ себѣ. Онъ вскорости же предложилъ ей и меня въ число кандидатовъ на близкое знакомство; но Плещеева, всегда робкая по темпераменту и хотя уже зрѣлая лѣтами, но какъ-то все еще не вышедшая изъ привычныхъ пеленокъ Смольнаго своего монастыря, не на шутку встревожилась, когда услышала сіе предложеніе: ибо она почитала меня за насмѣшника и язвительнаго, дворскаго острошлова. Но Кошелевъ взялся ее переувѣрить и совершенно успѣлъ въ своей цѣли. Онъ сказалъ ей, между прочимъ, что я перемѣнился совершенно и давно уже не

¹⁾ Тамъ же, стр. 79.

таковъ; вслѣдствіе сихъ увѣреній, Плещеева приглашаетъ, наконецъ. меня къ себѣ въ домъ. Я посѣщѣнно этимъ воспользовался, и меня принимаютъ тамъ въ первый разъ хорошо. Здѣсь опять я встрѣчаю и Лѣнницова, короткаго знакомаго Плещеевой и у ней живущаго. Завязывается разговоръ, который тотъ же часъ принявъ направленіе къ предметамъ возвышеннымъ, духовнымъ, словомъ обратился въ бесѣду пѣтическую. вмѣстѣ съ симъ началось и чтеніе (виднo, между ними обычное), котораго выборъ зависѣлъ отъ указаній Родіона Александровича. Книга, на этотъ разъ имъ избранная, называлась: трактатъ о жертвахъ извѣстной духовидки дѣвицы Бруннъ, которая нѣкогда, бывъ другомъ герцогини Бурбонской, вмѣстѣ считалась и главою многочисленнаго, но весьма таинственнаго во Франціи общества такъ называемыхъ жертвъ или умиротворительницъ правосуднаго гнѣва Божія. Въ этомъ сочиненіи, кромѣ глубинъ самаго сокровеннаго мистицизма, сочинительница безпрестанно описывала свои видѣнія, кои, бывъ по большей части эмблематическаго свойства и заключая въ себѣ, безъ сомнѣнія, гадственный смыслъ, могли быть только понимаемы или доступны разумѣнію однихъ лишь посвященныхъ¹⁾. Поэтому и для князя Голицына, какъ непосвященнаго еще, было непонятно мистическое содержаніе читанной на этомъ вечерѣ книги г-жи Бруннъ¹⁾.

„Однако,—продолжаетъ Голицынъ,—промыслъ Божій не долго оставилъ меня въ семъ затрудненіи. Онъ внушилъ мнѣ единственное средство доискаться, былъ ли какой сокровенный свѣтъ въ этихъ потемкахъ: я прибѣгнулъ къ молитвѣ къ тому же Раздаятелю свѣта, къ молитвѣ, по возможности неотступной, усердной, жаркой; а между тѣмъ все таки не переставалъ ѣздить къ Плещеевой. Разъ пять или шесть являлся я на эти собранія, но оттуда постоянно

¹⁾ Тамъ же. стр. 80—81.

вывозилъ къ себѣ домой сердце всегда обезпокоенное, разумъ встревоженный. Но вотъ, наконецъ, вдругъ нечаянно, къ величайшему и радостному моему изумленію, прорвалась завѣса моего сомнѣвающагося незнанія. Какъ огрубѣлая кора стѣща евангельскаго сошла она, эта несчастная завѣса, съ очей моихъ; сердце мое радостно встрепенулось, загорѣлось, и я сталъ свободно, хотя еще и не вполне, видѣть и понимать, что хотѣла сказать дивная дѣвица Бруннъ о своихъ внутреннихъ испытаніяхъ. Тутъ-то, въ первый разъ въ моей жизни, я сталъ постигать, что въ многообразіи міра наружнаго, феноменальнаго скрывается еще болѣе многообразный міръ внутренній, міръ неуловимый человѣческими чувствами; и эта жизнь пластическая, эта жизнь наглядныхъ, такъ сказать, ощущеній человѣческихъ есть только скудная покрывка, есть какъ бы накипь, облекающая по наружности и сокрывающая великія, богатые и дивныя тайны недомѣдомаго шествія существа внутренняго, мірового, вѣчнаго. Одно только сознаніе въ себѣ сего шествія можетъ быть истиннымъ его достояніемъ и вполне долженствуетъ удовлетворять неотразимому исканію великаго, благороднаго и безсмертнаго духа“ ¹⁾).

„Таковы подробности сего чуднаго водительства Божія, сей благодатной Его милости,—заканчиваетъ свой рассказъ князь Голицынъ,—которая такъ безопасно и даже незамѣтно привела меня отъ невѣрія сперва къ вѣрованію, хотя еще къ слабому и наружному, но въ постѣдствіи къ вѣрѣ внутренней, если не живой, то всегда отрадной, успокоительной, необходимой“ ²⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 82—83.

²⁾ Тамъ же, стр. 83.—Что обращеніемъ своимъ къ мистицизму Голицынъ былъ обязанъ именно Кошелеву,—это видно и изъ автобіографіи священника Θεодосія Левицкаго. „Князь А. Н. Голицынъ“,—разсказывается здѣсь,—приведенъ „въ твердое познаніе небесныхъ истинъ посредствомъ знаменитаго старца Иродіона Александровича Кошелева, бывшаго иностраннымъ посланникомъ, мужа ду-

Мало-по-малу князь Голицынъ отдался мистицизму всѣмъ своимъ существомъ. Мистическое увлеченіе его по временамъ переходило въ сильную экзальтацію, въ которой мало удѣлялось мѣста для дѣятельности разсудка. Подъ дѣйствіемъ подобнаго увлеченія онъ даже совершалъ иногда квакерскія моленія въ ожиданіи Святаго Духа. Въ ноябрѣ 1818 года въ Петербургъ пріѣхали два извѣстныхъ квакера, которыхъ прежде приглашалъ къ себѣ императоръ Александръ-Алленъ и Греллэ-де-Мобилье. Они встрѣтили самый радушный пріемъ при дворѣ (у государя и обѣихъ императрицъ) и у разныхъ высокопоставленныхъ лицъ¹⁾, въ томъ числѣ особенно у князя Голицына, о которомъ Греллэ выражается въ своихъ запискахъ, что „онъ—человѣкъ, проникнутый истинно христіанскимъ духомъ“. Квакеры прибыли въ столицу во время отсутствія государя. Голицынъ принялъ ихъ „съ открытымъ сердцемъ“. Князь спросилъ квакеровъ объ ихъ намѣреніяхъ и о томъ, чѣмъ онъ можетъ быть имъ полезенъ; они представили князю свои программы, содержаніемъ которыхъ онъ

ховной жизни... коего онъ почиталъ по Христу, какъ отца и наставника, и въ свободные часы всегда его посѣщалъ, чтеніемъ книгъ служить ему, какъ отцу (за старческою слѣпотою его), неоцѣненной отрадою и утѣшеніемъ“ („Русс. Стар.“ 1880 г., сентябрь, стр. 144—145).

¹⁾ Такъ, квакеры посѣтили княгиню Мещерскую, митрополита Михаила, его тогдашняго викарія Филарета, и вездѣ были приняты весьма радушно. Филаретъ много бесѣдовалъ съ ними, рассказывалъ имъ о „своихъ религіозныхъ упражненіяхъ и подвигахъ“, молился съ ними „безмолвною молитвою“, а на прощаніе благословилъ ихъ и „далъ имъ цѣлованіе любви во Іисуса Христа“. Послѣ 4-мѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, они отправились черезъ Москву въ дальнѣйшее путешествіе по Россіи для осмотра тюремныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Голицынъ и Филаретъ снабдили ихъ письмами къ губернскимъ властямъ, которымъ рекомендовали квакеровъ какъ лицъ, близко извѣстныхъ государю: вслѣдствіе этого свѣтскія и духовныя власти повсюду принимали ихъ также радушно, какъ и въ столицѣ. На югѣ Россіи особенное вниманіе ихъ привлекли селенія молоканъ и духоборцевъ, а равно меннонитскія колоніи. Изъ Россіи квакеры направились въ Константинополь и затѣмъ далѣе въ Грецію и на Іоническіе острова („Русс. Стар.“ 1874 г., янв. Ср. Сушкова „Записки о жизни митрополита Филарета“, стр. 104—106).

остался очень доволенъ. Постъ разныхъ вопросовъ о предметахъ религіозныхъ, квакеры передались вмѣстѣ съ княземъ безмолвному внутреннему богомыслию, и состояніе это, по замѣчанію Греллэ, не казалось новымъ для князя“. Все эго происходило въ присутствіи Попова, благочестиваго молодого человѣка. „Одушевленные любовью къ Иисусу Христу, мы,—разсказываютъ квакеры,—почувствовали въ себѣ, постъ безмолвія сердечной молитвы, вѣяніе благодати. При прощаніи князь предоставилъ намъ свободный доступъ ко всему, что могло интересовать насъ: къ тюрьмамъ, къ исправительнымъ заведеніямъ и къ пріютамъ бѣдныхъ“. И постъ этого квакеры были у Голицына еще нѣсколько разъ. „Мы постъщаемъ его,—замѣчаетъ Греллэ,—обыкновенно чрезъ день, отъ 9-ти до 11-ти часовъ утра, и проводимъ время либо въ безмолвной молитвѣ и въ ожиданіи посѣщенія Господа, либо въ бесѣдахъ о религіозныхъ предметахъ“¹⁾.

Въ то время митрополитъ Михаилъ при каждомъ своемъ служеніи любилъ говорить бесѣды, слушать которыя собиралось множество народа. Почтенный первосвятитель, самъ пострадавшій не мало отъ фанатизма мистиковъ, конечно, не раздѣлялъ ихъ противоцерковныхъ воззрѣній, но природное внутреннее настроеніе его, укрѣпившееся въ немъ еще болѣе въ бытность его въ филологической семинаріи при Московскомъ университетѣ, подъ вліяніемъ лекцій извѣстнаго Шварца²⁾, постоянно склоняло его къ разработкѣ съ церковной кафедры темъ, особенно любимыхъ мистиками³⁾. Въ числѣ

¹⁾ „Русс. Старина“ 1874 г., январь, стр. 3—6, 9.

²⁾ Одинъ изъ членовъ Новиковскаго кружка.

³⁾ Направленіе митрополита Михаила, какъ проповѣдника, отчасти характеризуется самыми названіями его бесѣдъ, подъ которыми явились онѣ въ печати: „Трудъ, пища и покой духа человѣческаго“, „О внутреннемъ состояніи человѣка“, „Изображеніе ветхаго, вишняго, плотскаго—и новаго, внутренняго, духовнаго человѣка“, „Плачь человѣка христіанина надъ духовнымъ плѣненіемъ Израиля“ и т. п.

многихъ другихъ высокопоставленныхъ особъ князь Голицынъ также ѣздилъ слушать бесѣды митрополита Михаила, но не вполне удовлетворяясь ихъ направлениемъ, побуждалъ его проповѣдывать въ крайне-мистическомъ духѣ. Михаилъ, снисходя къ немощной совѣсти князя, старался, сколько можно, приспособлять свои бесѣды къ его разумѣнію¹⁾. Но, оказалось, это было съ его стороны напрасною жертвою. Сердце Голицына, погруженнаго въ мистицизмъ, тяготѣло къ проповѣдямъ съ такимъ мистическимъ направлениемъ, которое производило одинъ религіозный восторгъ или экстазъ, не возбуждая никакого опредѣленнаго представленія. Православная же мистика митрополита Михаила была тихимъ религіознымъ созерцаніемъ, устремленіемъ върующей души къ Богу и сосредоточенностію въ молитвѣ и любви Божіей, и потому не могла ему особенно нравиться. Во вкусѣ его были тогда, одинъ за другимъ, два модные проповѣдника, Линдль и Госнеръ.

Католическій пасторъ Линдль, проповѣдывавшій какую то смѣсь мистицизма съ католичествомъ, пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ Мюнхенѣ; но въ то же время своимъ направлениемъ навлекъ на себя преслѣдованія со стороны истыхъ католиковъ. Въ 1819 году онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и благосклонно принятый государемъ и княземъ Голицынымъ получилъ дозволеніе проповѣдывать въ мальтійской церкви (при пажемскомъ корпусѣ) и имѣлъ тамъ самый блестящій успѣхъ. Въ числѣ весьма многихъ усердныхъ слушателей и почитателей Линдля были Голицынъ и Поповъ, переводившій проповѣди мюнхенскаго пастора на русскій языкъ. Къ чести Лабзина нужно сказать, что онъ относился къ этому заѣзжему проповѣднику трезвѣе другихъ

¹⁾ Въ 1823 году Лабзинъ, между прочимъ, писалъ Голицыну: „знаю, что Ваше Сіятельство и Михайломъ были недовольны, пока онъ не сталъ свои проповѣди переправлять по Вашему вкусу“ („Русс. Архивъ“ 1892 г., № 12, стр. 384—385).

нашихъ мистиковъ. „Я знаю,—писалъ онъ къ Карнѣеву,— Вы получили и читали проповѣди нынѣ моднаго у насъ проповѣдника Линдля. Я, не смотря на крики (Голицыныхъ, Кошелевыхъ и компаніи, скажу не обвиняясь, что онѣ не заслуживаютъ сей похвалы и ни съ Филаретовыми, ни съ Михайловыми поровняться не могутъ“ ¹⁾). На смѣну Линдля, высланнаго въ Одессу ²⁾, въ 1820 году Голицынымъ вызванъ былъ изъ Баваріи другой проповѣдникъ, Госнеръ, изъ той же партіи новокатоликовъ, къ которой принадлежалъ и первый. Приѣмъ, оказанный ему, былъ еще благосклоннѣе, а краснорѣчіе его еще блистательнѣе, такъ что жители столицы всѣхъ исповѣданій, въ томъ числѣ и православные толпами собирались по вечерамъ въ католическую церковь на Невскомъ проспектѣ слушать его проповѣди ³⁾). Хотя онъ считался католикомъ, но проповѣди его, кромѣ мистицизма, отличались еще религіознымъ либерализмомъ, возмущавшимъ католическое духовенство ⁴⁾), которое въ концѣ концовъ запретило ему проповѣдывать въ своей церкви. Поэтому онъ долженъ былъ перенести свою проповѣдь въ особое помѣщеніе, на Большой Морской, на наемъ котораго государь, по представленію князя Голицына, отпустилъ 18,000 руб.

Н. И. Гречъ, рассказывая въ своихъ запискахъ о Линдлѣ и Госнерѣ, пишетъ: „Оба они, не отрекаясь отъ католицизма, проповѣдывали какой-то мистическій протестантизмъ, говорили южно-нѣмецкимъ нарѣчіемъ, прямо, грубо, съ убѣжденіемъ и съ краснорѣчіемъ среднихъ вѣковъ. Слушателями ихъ были отчасти вѣрующіе и убѣжденные, но не

¹⁾ „Русс. Архивъ“ 1892 г., № 12, стр. 359.

²⁾ По несомнѣнному ходатайству князя Голицына, онъ оставилъ столицу съ правами католическаго епископа: проживая въ Одессѣ, онъ получалъ 6000 р. казеннаго жалованья, тогда какъ лучшіе изъ столичныхъ проповѣдниковъ получали всего 500 р. („Русс. Старина“ 1884 г., сентябрь, стр. 225, прим. 2).

³⁾ „Вѣст. Европы“ 1867 г., т. IV, стр. 83; 1868 г., т. V, стр. 271—279.

⁴⁾ „Русс. Старина“ 1884 г., сент., стр. 225, прим. 2.

находившіе достойнѣйшей духовной пищи въ поученіяхъ пасторовъ протестантскихъ и православныхъ священниковъ: но большая часть ихъ ходила на эти поученія изъ угодливости къ покровителю ихъ Голицыну. Магницкій, Руничъ. Поповъ, Пезаровіусъ, Ливень, Сѣровъ и другіе окружали ихъ каеэды, выворачивали ихъ глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣни“ ¹⁾).

Увлекаясь мистическими проповѣдями Линдля и Госнера, князь Голицынъ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежалъ къ числу жаркихъ поклонниковъ извѣстной уже намъ піетистки-мечтательницы, баронессы Крюденеръ. Императоръ Александръ, въ бытность свою за границей, успѣлъ такъ привязаться къ баронессѣ, что при отъѣздѣ изъ Парижа приглашалъ ее отправиться вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ; но съ теченіемъ времени чувства его въ отношеніи къ ней значительно измѣнились. Во время бѣдственныхъ 1816 и 1817 годовъ, Крюденеръ проживала частію въ виртембергскихъ и баденскихъ владѣніяхъ, частію же въ Швейцаріи, гдѣ, исполняя свое призваніе, кормила голодающихъ, для чего продала свои драгоцѣнности. Эта ея филантропическая дѣятельность въ разныхъ государствахъ и городахъ Европы была выставлена предъ государемъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Когда однажды какая-то подруга баронессы спросила его, имѣетъ ли онъ о ней какія нибудь свѣдѣнія, то онъ сухо отвѣчалъ: „я боюсь за нее, она стоитъ на ложной дорогѣ“ ²⁾). При всемъ, однакоже, охлажденіи своемъ къ Крюденеръ, государь далъ въ 1818 дозволеніе на безпрепятственный впускъ ея и всѣхъ ея спутниковъ въ Лифляндію ³⁾). Прибывши въ Юнгфернгофъ, недалеко отъ Риги, къ своему брату, тайному совѣтнику фонъ-Фитингофу, баронесса написала, что она

¹⁾ „Русс. Архивъ“ 1868 г., кн. 7—12, стр. 1404.

²⁾ Гетце, стр. 52—53.

³⁾ „Русс. Архивъ“ 1886 г., кн. II, стр. 117.

принадлежитъ къ первоначальной церкви и возвѣстила при этомъ въ пророческомъ духѣ: „Востокъ разверзается, бѣдствія надвигаются на Европу и на эти страны. Изъ Юнгфернгофа она возвратилась въ свое помѣстье Коссе близъ Верро ¹⁾. Но если государь охладѣлъ въ чувствахъ своихъ къ Крюденеръ, то Голицынъ, можно сказать, благоговѣлъ передъ нею. При вѣздѣ своемъ въ Лифляндію баронесса получила отъ него письмо отъ 24 мая 1818 года. Это письмо, свидѣтельствующее о глубокомъ уваженіи къ ней князя, написано въ духѣ религіознаго мистицизма и заканчивается такими же таинственными грезами, какими отличались и проповѣди самой Крюденеръ. „Никто,—пишетъ онъ не знаетъ лучше Васъ, что все совершающееся съ дозволенія Господа необходимо, и что Онъ все направитъ къ славѣ и спасенію людей. Онъ внушитъ Вамъ то, что Вы должны написать Вашимъ друзьямъ для того, чтобъ побудить ихъ къ возвращенію въ Россію. Духовная жизнь всегда была борьбой, но въ настоящее время эта борьба, повидимому, дѣлается всеобщей. Одинъ нѣмецкій теозофъ пишетъ мнѣ, что добро и зло одухотворяются каждое въ свою очередь и что, наконецъ, все это будетъ идти въ такой прогрессіи, что оболочка, до сихъ поръ прикрывавшая добро и зло, разорвется, и тогда они придутъ въ соприкосновеніе вполнѣ разоблаченными; въ это-то время и должно будетъ ожидать того, кто ихъ раздѣлитъ для торжества истины, то есть Христа. Вы уже видѣли, что происходитъ въ Германіи и какъ занимаютъ тамъ религіозными предметами. Я читалъ нѣсколько сочиненій на этотъ сюжетъ; они приводятъ въ ужасъ ²⁾“.

Зять баронессы Крюденеръ, баронъ Беркгеймъ, братъ баденскаго министра, отказался отъ баденской государственной службы, и при переходѣ, съ чиномъ статскаго совѣтни-

¹⁾ Гетце, стр. 49.

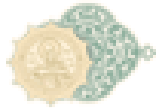
²⁾ „Русс. Архивъ“ 1885 г., кн. I, стр. 325—326.

ка, въ русскую службу, поступилъ подѣ начальство князя Голицына. Тяжкая болѣзнь Беркгейма побудила его тещу, жившую доселѣ въ своемъ имѣніи въ Лифляндіи, пріѣхать въ началѣ 1821 года въ Петербургъ¹⁾. Въ столицѣ Крюденеръ скоро сдѣлалась предметомъ живого интереса велико-свѣтскаго общества. Здѣсь она сблизилась на первыхъ порахъ съ княгиней Анной Сергѣевной Голицыной²⁾, въ гостепріимномъ домѣ которой открыла свои молитвенныя собранія и вела бесѣды о царствіи Божіемъ. Столичное общество являлось къ княгинѣ Голицыной, чтобы видѣть и слышать г-жу Крюденеръ. Въ этой толпѣ слушателей, самой разнообразной по составу, было и нѣсколько членовъ мистическихъ обществъ, образовавшихся еще въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II. По дружбѣ съ княгиней Голицыной, которую снабжала мистическими назиданіями и по тѣснымъ связямъ съ княземъ А. Н. Голицынымъ, баронесса Крюденеръ стала въ центрѣ петербургскаго мистицизма³⁾. Вотъ какую характеристику г-жи Крюденеръ, во время пребыванія ея въ Петербургѣ, даетъ юрьевскій архимандритъ Фотій: „Крюденеръ,—пишетъ онъ,—была женщина зловѣрія лжехристіанскаго (какой-то западной ереси), съ дарованіями острыми, лѣтъ уже преклонныхъ. Она выдавала себя за

¹⁾ Гетце, стр. 32.

²⁾ Княгиня А. С. Голицына, родная сестра известной княгини С. С. Мещерской, была замужемъ за камергеромъ И. А. Голицынымъ, но разошлась съ нимъ и вела своеобразную жизнь. Это была женщина мужественная и энергичная. По смерти своей пріятельницы баронессы Крюденеръ, она поселилась въ Крыму въ своей виллѣ—Карассу-Базаръ (Корансъ или еще Корейскъ), гдѣ завела нѣмецкую колонію. Впослѣдствіи, проживая здѣсь, княгиня устроила для князя А. Н. Голицына, которому, кажется, приходилась племянницей, въ сосѣдствѣ съ своей виллой, замокъ въ Гаспрѣ (Александріи), гдѣ онъ прожилъ остатокъ своихъ дней. Голицына скончалась въ Крыму въ 1842 году, занимаясь до конца жизни проповѣданіемъ піетизма. („Русс. Архивъ“ 1870 г., кн. 1, стр. 901—908, 1886 г., кн. III, стр. 153. Ср. А. Стурдзы „Надгробное слово князю А. Н. Голицыну“, стр. 19).

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1869 г., кн. IX, стр. 240.

вдохновенную свыше; молва разнеслась отъ нѣкоторыхъ ея учениковъ столь быстро объ ней, что весь Санкт.-Петербургъ подвигся, какъ новое чудо, видѣть и слышать госпожу Крюденеръ. Женка сія, въ разгоряченности ума и сердца, отъ бѣса вдыхаемая, не говоря никому противнаго похотямъ плоти, обычаямъ міра и дѣламъ вражьиѣмъ, такъ правится умѣла всѣмъ во всемъ, что, начиная съ первыхъ столбовыхъ бояръ, жены, мужи, дѣвицы, спѣшили, какъ оракула нѣкоего дивнаго, послушать женку Криднеръ. Нѣкоторые почитатели ея, изъ оболыщенія ли своего, или изъ ругательства надъ святынею христіанскихъ догматовъ, портреты изобразивъ Криднеръ, издавали въ свѣтъ ея съ руками къ сердцу прижатыми, очи на небо имѣющую, и Святаго Духа съ небесъ какъ на Христа сходящаго во Іорданѣ, или на Дѣву Богородицу при Благовѣщеніи Архангеломъ¹⁾“.

Князь Голицынъ оказывалъ баронессѣ Крюденеръ всякое содѣйствіе. Зять ея, баронъ Беркгеймъ, какъ извѣстно, получилъ мѣсто въ Петербургѣ въ вѣдѣніи Голицына. Братъ Фитингофъ, обращенный ею къ піэтизму, былъ назначенъ вице-президентомъ библейскаго общества. Князь Голицынъ часто навѣщалъ г-жу Крюденеръ²⁾ и вообще живо интересовался личностію ея. „Вы были у госпожи фонъ-Крюденеръ“,—спросилъ однажды своего чиновника Гетце князь Голицынъ. „Я ее не видалъ, когда третьяго дня посѣтилъ ея дочь, госпожу фонъ-Беркгеймъ“,—отвѣчалъ Гетце.—„Крюденеръ, —продолжалъ князь, —совершенно умерла для міра. Она обладаетъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Ея воззрѣнія часто бываютъ странны. Объ обыкновенныхъ житейскихъ предметахъ она не говоритъ. Разговоръ ея всегда

¹⁾ „Автобіографія Фотія“ въ „Русс. Старинѣ“, кн. II, стр. 189.

²⁾ Воспоминанія Голицына въ запискахъ Бартенева: „Тайное приказаніе Александра князю, чтобъ ѣздить и навѣщать Криднершу, между тѣмъ какъ царь съ важностію принималъ донесенія тайной полиціи, что князь ѣздитъ къ Криднершѣ“ („Русс. Арх.“ 1886 г., кн. III, стр. 153).

вращается только около религіи“¹⁾. Когда спустя нѣсколько времени послѣ этого разговора, Гетце явился къ Голицыну, то послѣдній спросилъ его, что онъ думаетъ о г-жѣ фонъ-Крюденеръ. Въ отвѣтъ на это Гетце сказалъ, что онъ видѣлъ ее только одинъ разъ и потому не можетъ составить о ней никакого опредѣленнаго представленія. На вопросъ Гетце, правда ли, какъ говорятъ въ обществѣ, что ей дозволено было пріѣхать въ столицу подъ условіемъ, чтобы она не принимала никого и не устроила бы никакихъ молитвенныхъ собраний,—князь отвѣчалъ отрицательно. „Она не нуждалась,—говорилъ Голицынъ,—ни въ какомъ позволеніи, чтобы пріѣхать въ столицу, и государю была непріятна та суровость, съ какою маркизь Пауллучи встрѣтилъ ее въ Лифляндіи²⁾. Кромѣ того, въ Петербургѣ невозможно, чтобы къ ней сходились тысячами, какъ за-границей, потому что она не знаетъ по-русски“³⁾. Впослѣдствіи Гетце много имѣлъ бесѣдъ съ этой замѣчательной въ своемъ родѣ женщиной и рассказываетъ, что при прощаніи она всякій разъ цѣловала его въ лобъ. „Точно также,—говорила она, я поступаю и съ княземъ Голицынымъ“⁴⁾.

¹⁾ Гетце, стр. 32.

²⁾ Маркизь Пауллучи, бывшій въ то время рижскимъ генералъ-губернаторомъ, не хотѣлъ, было, впускать въ Лифляндію баронессу Крюденеръ съ ея спутниками. По этому поводу государь писалъ ему отъ 9 мая 1818 года: „ея сожалѣнію вижу, что вы не исполнѣ поняли содержаніе разговора, который имѣли съ вами объ этомъ предметѣ въ Царскомъ Селѣ. Къ чему нарушать спокойствіе существъ, занимающихся только молитвами къ Предвѣчному и никому не дѣлающихъ зла? Чѣмъ болѣе въ такихъ случаяхъ розыскъ въ и надзору, тѣмъ болѣе прибавляется только важности для зѣвака. Оставьте госпожу Крюденеръ и другихъ пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ, потому что какое вамъ до того дѣло, кто какъ молится Богу! Каждый отвѣчаетъ Ему въ томъ по своей совѣсти. Лучше, чтобы молились какимъ бы то ни было образомъ, нежели вовсе не молились“ (Русс. Архивъ“ 1886 г., кн. II, стр. 117).

³⁾ Гетце, стр. 34.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 35.

Баронессѣ Крюденеръ, впрочемъ, не долго пришлось заниматься въ Петербургѣ своей „священной миссіей“. — Своими пророчествами о побѣдѣ надъ турками и основаніи 1000-лѣтняго царства Христова императоромъ Александромъ она безтактно коснулась одного самага больного мѣста въ тогдашней русской политикѣ, чѣмъ и вынудила государя къ строгой противъ себя мѣрѣ. Въ то время въ Турціи вспыхнуло греческое возстаніе. Страданія единовѣрныхъ намъ грековъ, поднявшихъ на защиту своего отечества отъ ино-вѣрнаго врага, кровавыя сцены въ Константинополѣ и другихъ турецкихъ городахъ, звѣрское убіеніе въ самый день Пасхи, 10 апрѣля 1821 года, вселенскаго патріарха Григорія и съ нимъ трехъ другихъ греческихъ іерарховъ¹⁾ взволновали все русское общество и вызвали на помощь грекамъ толпы волонтеровъ изъ всѣхъ странъ Европы. Въ борьбѣ своей за независимость грекамъ естественно было надѣяться и на сочувствіе русскаго императора, тѣмъ болѣе, что близъ его трона стояли лица, располагавшія его въ пользу грековъ — графъ Каподистрія и А. С. Стурдза. Князь А. Н. Голицынъ также принималъ самое дѣятельное участіе въ печальной судьбѣ грековъ и успѣлъ устроить двукратно огромный сборъ по всей имперіи пособій какъ для многочисленныхъ грековъ, бѣжавшихъ тогда изъ Константинополя въ Одессу и Кишиневъ, такъ и для выкупа хіосцевъ и критянъ изъ турецкаго плѣна.²⁾ Но государь рѣшился твердо держаться обязательныхъ трактатовъ св. союза, объявившаго греческое возстаніе революціоннымъ движеніемъ противъ законной (турецкой) власти, и потому долженъ былъ, къ всеобщему не-

¹⁾ См. „Письма А. И. Тургенева къ И. И. Дмитріеву изъ Константинополя“ въ „Русс. Архивъ“ 1867 г., кн. IV, стр. 639—670. Ср. съ „Бумагами о кончинѣ и погребеніи патріарха Григорія въ 1821 г. въ „Русс. Арх.“. 1871 г., кн. XI, стр. 1920—1939.

²⁾ Бантыш-Каменскаго „Словарь достоп. людей русс. земли“ 1847 г., ч. I, стр. 418.

удовольствію въ Россіи, предоставить несчастныхъ грековъ ихъ собственнымъ силамъ. Г-жа Крюденеръ, надѣясь склонить государя къ освобожденію грековъ отъ турецкаго ига, начала открыто агитировать въ пользу живого активнаго участія къ оказанію помощи страдавшимъ единовѣрцамъ. „Призваніе мое,—говорила она,—стоитъ въ связи съ освобожденіемъ Греціи, благодаря чему христіанство процвѣтетъ на востокъ“. Однако она скоро убѣдилась въ тщетности своихъ надеждъ. Государь рѣшительно не желалъ видѣть ее. „А какъ въ былое время онъ проливалъ слезы у монахъ колѣнъ“,—говорила она Гетце¹⁾. Государь, опасаясь, что Крюденеръ своими восторженными рѣчами станетъ побуждать его къ заступничеству за грековъ, счелъ лучшимъ избѣгать всякихъ съ нею разговоровъ. Онъ написалъ ей длинное письмо на восьми страницахъ, въ которомъ объяснилъ ей, какъ трудно ему идти впередъ съ вѣкомъ и повиноваться призыву о помощи грекамъ; какъ сильно онъ желалъ бы повиноваться волѣ Божіей, но эта воля для него еще не стала ясною; какъ онъ долженъ остерегаться попасть на ложную дорогу, если будетъ покровительствовать благимъ намѣреніямъ, которыя потребовали уже отъ него такъ много жертвъ и такъ мало людей сдѣлали счастливыми. Онъ указывалъ далѣе на свои обязательства чего не предпринимать иначе, какъ сообща съ своими союзниками. Потомъ, осуждая ту свободу, съ которою она позволяетъ порицать его правительство, онъ далъ ей понять,—какъ другъ, но такой другъ, который можетъ заговорить съ нею и иначе,—что, если она будетъ дѣлать какія либо затрудненія его министрамъ и возбуждать агитацію вокругъ престола, то тѣмъ самымъ она нарушитъ свой долгъ какъ подданная и какъ христіанка. Наконецъ, онъ объявлялъ баронессѣ, жившей тогда на загородней дачѣ, по такъ называемому Ланскому шоссе, что мѣ-

1) Гетце, стр. 49.

стопробываніе ея предъ воротами города можетъ быть разрѣшено только подъ тѣмъ условіемъ, если она будетъ сохранять благоразумное молчаніе относительно положенія дѣлъ, измѣнять которое ему не приходится по ея желанію. Государь поручилъ Александру Тургеневу прочесть ей это письмо и затѣмъ возвратить его ему черезъ князя А. Н. Голицына. Г-жа Крюденеръ выслушала чтеніе съ почительностію и просила Тургенева выразить государю благодарность за вниманіе и снисходительность, съ которою онъ возвѣстилъ ей свою монаршую волю. Однако письмо это произвело на нее горестное впечатлѣніе, и она въ ту же осень уѣхала въ свое уединенное помѣстье Коссе¹⁾.

Но князь Голицынъ до такой степени былъ увлеченъ Крюденеръ, что продолжалъ съ ней свои сношенія и послѣ ея опалы. Эти сношенія его поддерживались письменно. Въ письмахъ своихъ (1822 года) онъ бесѣдовалъ съ ней въ духѣ религіозно-мистическомъ. Въ ихъ заголовкахъ постоянно стоятъ слова: „Слава Іисусу Христу“. Такъ, въ письмѣ отъ 1 января 1822 года онъ писалъ къ ней: „Вступая въ новый годъ, я чувствую необходимость соединиться съ Вами въ нашѣмъ Господѣ, Царѣ Царей и милосердномъ Учителѣ и подъ заступничествомъ и покровительствомъ Святой Дѣвы, Матери Богочеловѣка. Прошу Вашихъ молитвъ о томъ, что-

¹⁾ По приглашенію А. С. Голицыной. Крюденеръ для укрѣпленія своего разстроеннаго здоровья рѣшилась переѣхать изъ Лифляндіи въ болѣе теплый климатъ и потомъ вмѣстѣ съ дочерью и затѣмъ отправилась весной 1824 года въ крымское имѣніе княгини — Карассу-Базаръ. Здѣсь она заболѣла ракомъ. Во время этой болѣзни она писала своему сыну (нашему посланнику въ Швейцарію): „То, что я сдѣлала хорошаго, то и остается, а что сдѣлала дурнаго (такъ какъ я часто принимала за волю Божію то, что только было слѣдствіемъ моей фантазіи и гордости), милосердіе Божіе не вѣднито мнѣ. Я буду только просить теперь у Бога и людей прошенія моихъ многоразличныхъ заблужденій, кровь же Христова омоетъ насъ отъ всѣхъ грѣховъ“. Она скончалась въ полной покорности волѣ Божіей 25 декабря 1824 года. (Гетце, стр. 54—56. Ср. „Русс. Архивъ“ 1870 г., стр. 901—908).

бы я, ничтожный атомъ, совершенно возобновился къ новой жизни и сдѣлался членомъ духовнаго тѣла Христова, чтобъ люди добровольно стали дѣтьми, у которыхъ нѣтъ воли, и которые обратились бы въ ничто, а Господь былъ бы все во всѣхъ, чтобъ нашъ дорогой государь сдѣлался пассивнымъ орудіемъ Господа и дѣлалъ лишь то, что согласно съ Божественной волей, чтобъ онъ видѣлъ свѣтъ въ свѣтѣ Тріединнаго; чтобъ онъ былъ предохраненъ отъ всякихъ вліяній и чтобъ онъ имѣлъ силу и мужество идти по истинно-царской дорогѣ, чтобъ достигать цѣли, величіе которой можетъ познать лишь мудрость, чтобъ онъ исполнилъ то, что возложилъ на него Священный Союзъ Святымъ Духомъ для того, чтобъ подготовить царство Царя Славы и сложить у ногъ этого всеобщаго Пастыря его корону вмѣстѣ со всѣми народами, которыхъ онъ долженъ привести къ Нему, какъ овецъ одного стада, готоваго исполнить волю Господа и на землѣ и на небесахъ. Аминь“ ¹⁾).

Набожность князя Голицына, разкрывающаяся въ письмахъ его къ баронессѣ Крюденеръ, доходитъ до несомнѣнной вѣры въ возможность чудесъ совершаемыхъ силою той любви къ Господу, которою такъ преисполнено его сердце. Въ письмѣ отъ 5 сентября того же 1822 года онъ сообщаетъ ей: „Я читалъ на этихъ дняхъ замѣчательную брошюру,— это письма, полученные изъ Вюрцбурга касательно великихъ событій, совершавшихся тамъ въ 1821 году: они написаны совѣтникомъ посольства Шарольдомъ касательно исцѣленій, совершенныхъ княземъ Гогэнлоэ. Кромѣ исцѣленій княжны Шварценбергъ, и наслѣднаго принца Баварскаго, тамъ описаны исцѣленія слишкомъ пятисотъ слѣпыхъ катѣкъ, разслабленныхъ, глухихъ, нѣмыхъ или покрытыхъ неисцѣлимыми язвами; эти исцѣленія совершались однимъ воздыханіемъ къ святому имени Иисуса Христа и благодаря полной вѣрѣ

¹⁾ „Русс. Архивъ“ 1885 г., кн. I, стр. 226—227.

въ Его божественную благодать и въ Его милосердіе. Эти исцѣленія были совершены между Вюрцбургомъ, Бамбергомъ и Брюкснау въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Князь молился за отсутствующихъ больныхъ и, благодаря его посредничеству, Господь исцѣлилъ одну больную въ Версали и еще нѣскольکو отсутствовавшихъ больныхъ, о которыхъ говорится въ этой брошюрѣ¹⁾.

При всѣмъ сходствѣ въ мистическомъ настроеніи князя Голицына и г-жи Крюденеръ, между этимъ ихъ настроеніемъ была и одна существенная разница. Голицынъ, какъ кажется, никогда не доходилъ въ своемъ увлеченіи мистицизмомъ до отрицанія православной церкви, къ которой принадлежалъ по рожденію, между тѣмъ Крюденеръ, побуждаемая неустаннымъ религіознымъ энтузіазмомъ, давно уже отступила отъ этой церкви. Такой контрастъ между ихъ мистическимъ настроеніемъ ясно видѣнъ изъ письма Голицына къ баронессѣ, написаннаго въ отвѣтъ на ея желаніе постронть въ Лифляндскомъ помѣстьи Коссе греческую церковь. „Вы,—писалъ онъ къ ней,—давно уже не принадлежите къ православной церкви. Вы, конечно, принадлежите къ той внутренней церкви, главою которой служить Господь, но пока мы живемъ подъ здѣшней оболочкой и изнашиваемъ эту внѣшнюю оболочку, мы должны внѣшнимъ образомъ принадлежать къ одной изъ христіанскихъ церквей до тѣхъ поръ, пока у насъ будетъ одинъ пастырь, а мы будемъ составлять одну паству. Будемъ уважать внѣшность, внутренно совершенствуясь Святымъ Духомъ для большаго прославленія Тріединнаго Бога во Иисусѣ Христѣ. Итакъ просите Господа, чтобъ Онъ просвѣтилъ Васъ,—Его Святую Матерь, чтобъ Она укрыла Васъ подъ своимъ покровомъ, и чтобъ св. ангелы вдохновляли Васъ, если возникшее въ Вашемъ сердцѣ желаніе имѣть греческую церковь въ Коссе есть указаніе,

¹⁾ Тамъ же, стр. 327.

чтобы Вы снова вступили въ лоно этой первобытной церкви, которая, придя съ Востока, должна отвести туда народъ Божій въ новую Ханаанскую землю“ ¹⁾).

Отъ мистицизма на словахъ, бывшаго въ то время въ большомъ ходу и усвоеннаго княземъ Голицынымъ со всею горячностью прозелита, оставалось недалеко до суевѣрія. Но въ Испаніи и другихъ католическихъ странахъ впечатлительные суевѣры жгли несчастныхъ отступниковъ отъ господствующей церкви; напротивъ того, Голицынъ, посѣщая молитвенныя собранія разныхъ мистическихъ сектъ, сдѣлался ихъ адептомъ и покровителемъ, и даже для богомоленія одной изъ нихъ испросилъ помѣщеніе въ Михайловскомъ (нынѣ Инженерномъ) замкѣ, бывшемъ дворцѣ императора Павла ²⁾. Эта секта, могущая служить полнымъ выраженіемъ мистическаго, цивилизованнаго хлыстовства или скопчества, называлась духовнымъ союзомъ Татариновой.

Екатерина Филипповна Татаринова, урожденная фонъ-Буксгевденъ, по исповѣданію лютеранка, по воспитанію институтка Смольнаго монастыря, была замужемъ за И. М. Татариновымъ, служившимъ подъ конецъ жизни директоромъ рязанской гимназіи. Отличаясь кроткимъ характеромъ, и по природному расположенію склонная болѣе къ созерцательной, нежели къ внѣшней практической дѣятельности, она окончательно отдалась этому настроенію, когда лишилась единственнаго восьмилѣтняго сына, на которомъ раньше сосредоточивала всѣ свои заботы. Еще при жизни мужа, больного вслѣдствіе полученной въ сраженіи подъ Лейпцигомъ мучительной раны и вскорѣ умершаго, она переселилась въ Петербургъ къ своей матери въ Михайловскій замокъ ³⁾, гдѣ потомъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 328.

²⁾ Баргенева „Девятнадцатый вѣкъ“, кн. I, стр. 222.

³⁾ Мать Татариновой, урожденная баронесса Е. Ф. Мальницъ, получила тамъ даровое помѣщеніе по смерти первой дочери императора Александра, ве-

по ходатайству Голицына, получила особую казенную квартиру.

Татаринова обратила на себя особенное вниманіе столичнаго общества, во всѣхъ слояхъ котораго, по словамъ Бартенева, чувствовалось тогда то влияніе, котораго полнымъ выраженіемъ была баронесса Крюденеръ ¹⁾). Ища, какъ многія другія великосвѣтскія дамы того времени, царствія Божія, она вошла въ близкія сношенія съ хлыстами и скопцами, посѣщала ихъ корабли, присутствовала при пѣніи ими ихъ духовныхъ пѣсень, бывала на ихъ радѣніяхъ и слушала ихъ пророковъ и пророчицъ. Въ Петербургѣ она завязала знакомства съ купеческимъ семействомъ Ненастановыхъ, бывшихъ сначала хлыстами, потомъ скопцами ²⁾, и усвоила у нихъ обряды радѣнія. Такимъ образомъ мистицизмъ г-жи Татариновой представляетъ изъ себя самую неприглядную форму простонароднаго сектантства; и если въ этой грубой формѣ мистицизмъ ея привлекъ много лицъ даже изъ высшаго общества, то это скорѣе всего можно объяснить особыми свойствами ея весьма симпатичнаго характера. Но на памяти ея, кажется, нѣтъ темнаго пятна скопческихъ уродствъ ³⁾). Въ 1817 году, въ день архангела Михаила Татаринова приняла православіе. „Оная женка,—разсказываетъ архимандритъ Фотій въ своей автобіографіи,—была зловѣрія лже-христіанскаго, раскола лютеранскаго. Священникъ же ее помазалъ мѣромъ Маловъ противу всѣхъ запрещеній митрополита Михаила и присоединилъ къ церкви православной, дабы удоб-

ликой княжны Маріи Александровны, скончавшейся въ младенчествѣ, при которой она состояла няней.

¹⁾ Бартенева „Девятнад. вѣкъ“, кн. I, стр. 221.

²⁾ Сушкова „Записки о жизни Филарета“, стр. 75.

³⁾ „Скопчество,—говоритъ Филаретъ о Татариновой въ своихъ воспоминаніяхъ,—казалось ей мерзкимъ, а другихъ обрядовъ, какъ-то круженій, она держалась“ („Правосл. Обзор. 1868 г., № 8, стр. 523). Поэтому свидѣтельство архимандрита Фотія о существованіи въ обществѣ Татариновой скопчества („Русс. Стар.“ 1895 г., кн. II, стр. 190) не заслуживаетъ довѣрія.

нѣе въ сѣти свои ловить православныхъ“¹⁾). Съ этого времени дѣйствительно и началась ея сектантская дѣятельность; она сама увѣряла, что почувствовала въ себѣ даръ пророчества въ самую минуту своего присоединенія. Послѣдователи Татариновой вѣрили безусловно въ ея пророческій даръ; такъ, по словамъ одного изъ нихъ, она умоляла князя А. Н. Голицына упросить императора Александра не ѣздить въ Таганрогъ, такъ-какъ было ея пророчество: „Царя въ сыру землю положу“, предсказывающее скорую его кончину²⁾).

Радѣнія, усвоенныя Татариновой у хлыстовъ и скопцовъ, составляли главный обрядъ ея кружка³⁾). Тайна ея секты основывалась на мысли первыхъ пяти стиховъ 1 Коринѳ. гл. 14 о дарѣ пророчества⁴⁾). Собранія Татариновой открывались обыкновенно чтеніемъ священныхъ и отеческихъ писаній; потомъ пѣлись канты духовнаго содержанія, иногда импровизируемые подъ ладъ простонародной рѣчи; затѣмъ уже начиналось радѣніе, т. е. круженіе на правую сторону сначала медленное, потомъ болѣе и болѣе учащенное и кончавшееся тѣмъ, что на кого нибудь одного изъ кружившихся „накатывалъ духъ“ и онъ начиналъ прорекать слово живое, слово пророческое. Прорицаніе не рѣдко продолжалось болѣе часа и сопровождалось иногда такою быстротою въ произношеніи словъ, что не только нельзя было предполагать предварительнаго подготовленія, но даже не всегда можно было услѣдить за связью и значеніемъ прорицаемаго. Собранія эти происходили почти открыто въ одной изъ залъ Михайловскаго замка, на потолокъ которой было живописное изоб-

¹⁾ „Русс. Старина“ 1895 г., кн. II, стр. 190—191

²⁾ „Русс. Старина“ 1895 г., кн. XI, стр. 11.

³⁾ „Русс. Вѣстникъ“ 1892 г., январь, стр. 18.

⁴⁾ Н. С. Усова „Изъ моихъ воспоминаній“ въ „Истор. Вѣстникъ“ 1884 г., № 3, стр. 579.

раженіе Святаго Духа въ видѣ голубя, а на стѣнѣ висѣлъ большой образъ Тайной вечери. Въ числѣ многихъ другихъ лицъ аристократическаго круга на собраніяхъ присутствовали иногда вмѣстѣ съ Кошелевымъ или Поповымъ и князи. А. Н. Голицынъ „и слушалъ здѣсь года четыре пророческое слово“ ¹⁾). Поновѣ, по своему фанатическому усердію къ сектѣ Татариновой, чуть было потомъ не уморилъ побоями и домашней тюрьмой одну изъ своихъ дочерей за ея непреодолимое отвращеніе къ обрядамъ этой секты ²⁾).

За то „духовное услажденіе“, какое получалъ князь Голицынъ на молитвенныхъ собраніяхъ у Татариновой, онъ не оставлялъ ея своимъ покровительствомъ. Узнавъ, что послѣ смерти мужа, она не только не просила о продолженіи ей пенсіи, но даже не вытребовала заслуженнаго имъ жалованья, Голицынъ немедленно испросилъ для нея пенсію изъ собственныхъ Е. И. Величества суммъ на 20 лѣтъ по 6 тыс. руб. въ годъ ³⁾). Въ 1817 году управляющій министерствомъ полиціи, генералъ Вязмитиновъ писалъ государю въ Москву, что въ Михайловскомъ замкѣ живетъ г-жа Татаринова, которая содержитъ особую секту и приводитъ въ оную другихъ ⁴⁾). Донесеніе Вязмитинова было отправлено на имя князя А. Н. Голицына, который отвѣчалъ, что государь, разсмотрѣвъ его записку о собраніяхъ у Татариновой, повелѣлъ „оставить оныя безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности“. Находя же, что комнаты въ замкѣ отведены собственно матери Татариновой г-жѣ Буксгевденъ.

¹⁾ „Русс. Арх.“ 1872 г., т. II, стр. 2340. „Прав. Обоз.“ 1868 г., № 8, стр. 523.

²⁾ Гегце, стр. 230—231. Ср. Баргенева „Деятнадц. вѣкъ“, кн. I., стр. 222 и дал.

³⁾ Баргенева „Деятнадц. вѣкъ“, т. I, стр. 222.

⁴⁾ „Русс. Вѣстникъ“ 1895 г., кн. VI, стр. 5.

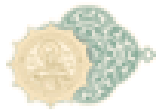
а не самой Татариновой, государь приказалъ выселить ее оттуда ¹⁾. Не смотря на это, Татаринова въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ продолжала имѣть квартиру въ Михайловскомъ замкѣ, чѣмъ, конечно, она была обязана ходатайству того же Голицына.

Князь Голицынъ, неоднократно бывавшій у Татариновой и такъ сочувственно относившійся къ ней, познакомилъ съ ея дѣятельностію и лицъ царской фамиліи. При его несомнѣнномъ содѣйствіи, императрица Елизавета Алексѣевна, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ Татариновой, обѣщала ей свое покровительство. Самому императору Александру принадлежитъ не мало весьма лестныхъ отзывовъ о духовномъ союзѣ Татариновой. Такъ, находясь нѣкоторое время внѣ Петербурга, онъ писалъ Кошелеву, что сердце его пламенѣетъ любовію къ Спасителю всегда, когда только читаетъ въ письмахъ его объ обществѣ г-жи Татариновой въ Михайловскомъ замкѣ. По возвращеніи въ столицу, государь принять ея самымъ благосклоннымъ образомъ, сообщалъ ей самыя сердечныя свои чувствованія, любовь свою къ Господу и „многое ей одной только извѣстное и такъ удостовѣрился въ ея правотѣ, въ непорочности пути ея и въ подлинности ея пророческаго слова, что возлюбилъ ее въ Богъ“ ²⁾. По приглашеніямъ государя, Татаринова еще два раза представлялась ему. Въ первое изъ этихъ представленій, государь, послѣ продолжительной бесѣды, ободрилъ ее и выразилъ ей свое сочувствіе. „Продолжайте,—сказалъ онъ,—нынѣ распространились на западъ карбонаріи и проникли уже въ мою державу ³⁾. Я вами очень доволенъ за ученіе ваше о Спасителѣ нашемъ. Братъ

¹⁾ „Истор. Вѣстникъ“ 1884 г., № 3, стр. 580.

²⁾ „Русс. Старина“ 1895 г., кн. XI, стр. 13.

³⁾ Этимъ онъ намекалъ, что ему извѣстны готовившіеся декабристы.

Николай,—продолжалъ государь. —просить у меня Михайловскій дворецъ подъ инженерное училище, въ чемъ я ему не могъ отказать, посему прошу васъ занимаемую вами во дворцѣ квартиру очистить. Я ассигновалъ для васъ квартирныя деньги изъ моего кабинета, на наемъ квартиры со всѣми удобствами, которые будутъ доставляемы вамъ чрезъ посредство князя А. Н. Голицына¹⁾. Когда на постоянныя приемы посѣтителей г-жи Татариновой истощилось до конца фрейлинское ея приданое²⁾, то, при второмъ представленіи ея государю, послѣдній благоволилъ объявить ей: „Я на молитвѣ получилъ распоряженіе предложить вамъ по 8000 руб. асс. ежегодно для вашего вспоможенія, прошу васъ принять ихъ чрезъ князя А. Н. Голицына“³⁾.

¹⁾ „Русс. Архивъ“ 1872 г., т. II, стр. 2337.—Съ выѣздомъ изъ Михайловскаго замка на наемную квартиру Татаринова не прекращала своихъ собраний, потому въ 1825 году, съ ближайшими своими послѣдователями, изъ опасенія полицейскихъ преслѣдованій, выселилась за городъ и недалеко отъ Московской заставы основала цѣлую сектантскую колонію. Въ 1837 году, по распоряженію правительства, колонія эта была уничтожена и Татаринова со всѣми своими общниками попала подъ судъ, кончившійся разсылкой всѣхъ задержанныхъ сектантовъ по монастырямъ. Сама Татаринова была выслана въ Кашинскій Срѣтенскій монастырь (Тверск. губ.). Попытки со стороны нѣкоторыхъ ея приверженцевъ освободить ее изъ монастыря не увѣчались успѣхомъ, такъ какъ она упорно не желала отказаться отъ своихъ заблужденій. Наконецъ, 19 апр. 1847 г., она рѣшилась дать письменное обязательство на будущее время неизмѣнно оставаться вѣрною православной церкви, почему ей было позволено жить сначала въ г. Кашинѣ внѣ монастыря, а потомъ въ Москвѣ. Но впоследствии она не сдержала своего обязательства. Въ Москвѣ она и скончалась 12 июня 1856 года (Баргенева „Девятнад. вѣст.“, кн. I, стр. 224—235. Ср. Гетце, стр. 229—232; „Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1868 г., кн. IV, стр. 20—51; „Русс. Арх.“ 1874 г., т. I, стр. 589—611; „Русс. Вѣст.“ 1892 г., янв., стр. 27—31).

²⁾ За отличные успѣхи въ наукахъ Татаринова, при выпускѣ изъ института, была удостоена полученія фрейлинскаго приданого („Русс. Архивъ“ 1872 г., т. II, стр. 2334).

³⁾ „Русс. Архивъ“ 1872 г., т. II, стр. 2341.

Благосклонность императора Александра къ Татариновой, простиравшаяся и на ближайшихъ ея приверженцевъ¹⁾. служила иногда источникомъ самыхъ недѣльныхъ разсказовъ. „Неизвѣстно отъ кого.—пишетъ о Татариновой архимандритъ Фотій въ своей автобіографіи,—оная окайнная блудница очреватѣла и родила—исчадіе! Удивленія достойна была многихъ слѣпота: ученики ея малоумные молву пронесли, что она имѣетъ родить великаго человѣка и исполненнаго духа. По лукавству вельможи придворнаго (т. е. князя Голицына), приверженца своего, Татаринова, столь безчестное дѣло сдѣлавшая, удостоена была посѣщенія отъ царя Александра въ сіе время, и былъ имъ крещенъ младенецъ, такъ онъ слышалъ“.—добавляетъ Фотій²⁾. Но ни официальные документы, ни многочисленные свидѣтели жизни Татариновой не упоминаютъ о предосудительномъ ея поведеніи, и разсказъ Фотія нужно отнести къ области ложныхъ слуховъ, какъ и самъ онъ замѣчаетъ, что „такъ онъ слышалъ“. Неопровержимое же доказательство расположенія государя къ духовному союзу Татариновой, вызваннаго въ немъ Голицынымъ, можно видѣть въ рескриптѣ, собственноручно написанномъ имъ отъ

¹⁾ Однажды государь погребоваль къ себѣ музыканта 1-го кадетскаго корпуса Н. И. Оедорова (Никитушку), по своему пророческому дару игравшаго такую видную роль въ сектѣ Татариновой, что послѣдняя называлась иногда Никито-Татариновскою. Государь долго разговаривалъ съ нимъ, спрашивая, какъ онъ познакомился съ Татариновой, какимъ путемъ получилъ даръ пророчества, какое чувствуетъ на себѣ дѣйствіе Св. Духа и проч. Оедоровъ отвѣчалъ, что приведенъ къ Екатеринѣ Филипповнѣ промысломъ Божиимъ, что онъ совсѣмъ не зналъ ее прежде, но увидѣлъ въ чудномъ видѣніи и, получивъ тогда же сильный даръ пророчества, питаеъ имъ многія души, приходящія въ Михайловскій замокъ. Впослѣдствіи князь Голицынъ изхлопоталъ ему у Государя за его пророческую дѣятельность чинъ 14-го класса („Русс. Старина“ 1895 г., кн. XI, стр. 13) По словамъ Филарета, одинъ бѣдный чиновникъ изъ Татариновскихъ пророчковъ, по ходатайству Голицына, получилъ отъ Государя даже ленту („Правосл. Обзор. 1868 г., № 8, стр. 523).

²⁾ „Русс. Старина“ 1895 г., кн. II, стр. 190.

20 августа 1818 года на имя черниговскаго помѣщика, тайнаго совѣтника Г. П. Милорадовича, по слѣдующему обстоятельству. Милорадовичъ беспокоился о своемъ сынѣ Алексѣѣ, поручикѣ л.-гв. Семеновскаго полка, бывшемъ въ то время однимъ изъ самыхъ преданныхъ послѣдователей г-жи Татариновой. Тѣмъ болѣе не нравилась отцу принадлежность его къ обществу Татариновой, что про это общество ходили самые несбыточные слухи, и онъ лишилъ сына необходимаго содержанія. Императоръ Александръ, считавшій Семеновскій полкъ своимъ любимымъ дѣтищемъ и знавшій всѣхъ офицеровъ, пришелъ на помощь молодому Милорадовичу. „Григорій Петровичъ! писалъ онъ по этому случаю отцу Милорадовича. Принимая участіе во всемъ, что касается до вашего дома, я хочу успокоить васъ насчетъ сына вашего Алексѣя, служащаго лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку. Онъ отличный офицеръ по ревности своей къ службѣ и по нравственности. Я старался проникнуть его связи и, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ (добытымъ, вѣроятно, при посредствѣ Голицына), нашелъ, что тутъ ничего такого нѣтъ, что бы отводило его отъ церкви, напротивъ, онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности. Посему заключаю, что связи его не могутъ быть вредны. По моимъ правиламъ, хотя и не стѣсняю я ничьей совѣсти, но, съ другой стороны, не терпѣлъ бы, если бы открылось что-либо противъ церкви или гражданскаго порядка. Надѣюсь, что сіи строки васъ успокоютъ, пребываю вамъ благосклонный. Александръ“ ¹⁾).

¹⁾ „Русс. Архивъ“ 1864 г., стр. 623—624. Этотъ рескриптъ послужилъ большимъ ободреніемъ для кружка Татариновой. Однажды государь, возвратясь изъ путешествія по Россіи, во время смотра гвардейскаго корпуса и церемональнаго марша лейб.-гвард. Семеновскаго полка, позвалъ изъ фронта: „Поручикъ Милорадовичъ! Я былъ у вашихъ родителей въ Черниговѣ“,—сказалъ государь,—„они здоровы и кланяются вамъ; я ихъ на вашъ счетъ успокоить“. При этомъ

Какъ благосклонность государя къ этой „жрицѣ“, какъ называлъ г-жу Татаринову А. С. Шишковъ, такъ и покровительство ей сильнаго тогда князя Голицына приводили въ недоумѣніе многихъ, въ томъ числѣ и митрополита Михаила. М. Михайлъ, хотя самъ и не слушалъ пророческаго слова Татариновой, но нѣсколько разъ приглашалъ ее къ себѣ и, будучи самъ настроенъ мистически, бесѣдовалъ съ нею съ удовольствіемъ. Желая, однакоже проникнуть въ тайны ея ученія, онъ поручилъ извѣстному въ то время проповѣднику о. Алексѣю Малову познакомиться съ Татариновою. И Маловъ, конечно, не безъ вѣдома митрополита, неоднократно присутствовалъ у нея на собраніяхъ и проливалъ тамъ слезы религіознаго умиленія, слушая пѣніе и пророческое слово ¹⁾. Рассказывали, что это такъ повліяло на священника Малова, что послѣдующія его проповѣди, „именуемая св. церковію: „Слово Благодатное“, имѣли помазаніе Духа Божія и вразумляли вѣрующихъ, какъ надо подражать жизни нашею Спасителю“ ²⁾. Рассказывали также, что митрополитъ съ удивленіемъ выслушалъ донесеніе Малова о подробностяхъ ученія Татариновой. „Чудныя дѣла!—сказалъ онъ.—Я служу столько лѣтъ престолу Господню и не смѣю мыслить, чтобы всѣ поступки мои водимы были духомъ Господнимъ, а отчуждающіеся отъ общей церкви пророки пребываютъ въ надеждѣ лучшей меня“. Услышавъ такой отзывъ, Татаринова назвала Михаила маловѣрующимъ и въ одномъ изъ своихъ пророчествъ предсказала скорую его кончину ³⁾.

повторилъ слова, написанныя въ рескриптѣ, предъ всею блестящею свитою. Проѣзжая, во время того же путешествія по Россіи, черезъ Рязань, государь пригласилъ къ себѣ „откушать“ мужа г-жи Татариновой, тогдашняго директора мѣстной гимназіи, и за обѣдомъ много разговаривалъ съ нимъ „Русс Архивъ“ 1872 г., т. II, стр. 2338)

¹⁾ „Русс Архивъ 1872 г., т. II, стр 2341.

²⁾ „Русс. Старина“ 1895 г., т. II, стр. 28—29.

³⁾ Русс Старина 1895 г., т. II, стр. 29.

Какъ глубоко князь А. Н. Голицынъ погрузился въ свой мистицизмъ,—это видно, наконецъ, изъ того, что онъ совершенно искренно сочувствовалъ даже такому грубо-простонародному сектантству мистическаго пошиба. какъ скопчество, и былъ его покровителемъ. 1802—1820 годы скопчество справедливо считаетъ „Золотымъ вѣкомъ“ своей жизни. Мистическимъ настроеніемъ въ тогдашнихъ административныхъ сферахъ оно воспользовалось весьма успѣшно. Въ то время, среди высшаго общества, было немало лицъ, не находившихъ ничего страннаго въ обрядахъ скопцовъ и только удивлявшихся, зачѣмъ они скопятъ себя. Принадлежавшій къ числу такихъ лицъ князь Голицынъ въ официальныхъ бумагахъ не иначе называлъ скопческаго искупителя Кондратія Селиванова, какъ „извѣстнымъ старикомъ“. Въ 1818 году. С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ (братъ извѣстнаго уже намъ Черниговскаго помѣщика) узналъ, что двое его племянниковъ.—одинъ полковникъ Д. Г. Милорадовичъ, другой, младшій братъ его, подпоручикъ А. Г. Милорадовичъ,—принадлежавшіе прежде къ союзу Татариновой, были увлечены придворнымъ лакеемъ Кобелевымъ въ собранія Селиванова. что второй изъ нихъ согласился даже на оскотленіе и что Селивановъ, заботясь о распространеніи своей секты, успѣлъ оскотить многихъ нижнихъ чиновъ гвардейскихъ полковъ и матросовъ, и просить князя Голицына довести до свѣдѣнія государя, что скопчество вообще растетъ съ каждымъ днемъ, и вредъ наносимый обществу. далѣе терпимъ быть не можетъ“¹⁾. Но мистическое ослѣпленіе Голицына въ отношеніи къ скопческой сектѣ и послѣ такого важнаго обстоятельства продолжалось. Рѣшено было сначала прибѣгнуть къ мѣрамъ увѣщанія. Любопытно, что для разубѣжденія Селиванова во вредѣ скопчества были посланы самые ярые татаринцы, В. М.

¹⁾ „Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1872 г., кн. III, стр. 82.

Поповъ и М. С. Пилецкій-Урбановъ (Мартынъ Задека). Первый такъ восхитился бесѣдами со скопческимъ искупителемъ, что воскликнулъ, всплеснувъ, руками: „Господи! Если бы не скопчество, то за такимъ человѣкомъ пошли бы полки за полками“ А второй, по поводу бесѣды (конечно, безуспѣшной) съ Селивановымъ, поднесъ государю въ рукописи свое сочиненіе: „О скопцахъ“, въ которомъ, опровергая самое скопчество, отстаивалъ его ученіе о внутреннемъ живомъ словѣ и его радѣніи. Государь прочитавъ это сочиненіе внимательно, похвалилъ, приказалъ напечатать въ пользу бѣдныхъ, и 6 октября 1819 года книга была издана въ количествѣ 10,000 экземпляровъ, которые и были разосланы по духовному вѣдомству для руководства ¹⁾. Князь Голицынъ, въ особенности усердно распространявшій эту книгу чрезъ архіереевъ, очень огорчился, когда даже снисходившій къ его немощамъ Филаретъ (Дроздовъ), тогда ярославскій архіепископъ, получивъ 10 экземпляровъ и заплативъ за нихъ собственные 10 рублей, наотрѣзъ отказался разослать это сочиненіе по епархіи, находя, что содержаніе его не согласно съ ученіемъ православной церкви. Онъ писалъ по этому поводу князю, что, какъ церковный человѣкъ, онъ не могъ иначе поступить. Голицынъ отвѣчалъ: „одна часть хороша, другая не годится, — Вы бы исправили“. Филаретъ такъ и сдѣлалъ ²⁾. Процедура увѣщаній Селиванова тянулась до 13 іюля 1820 года ³⁾, когда, наконецъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о высылкѣ его изъ Петербурга въ Суздальскій Евѣимовъ монастырь, съ полнымъ, впрочемъ, удобствомъ, въ коляскѣ, стоившей казнѣ 1,700 руб. асс. По этому случаю князь Голицынъ писалъ государственному казначею графу Д. А. Бурьеву отъ 24 іюня 1824 года: „По Высо-

¹⁾ „Русс. Старица“ 1895 г., кн. XI, стр. 13—14.

²⁾ „Прав. Обзор. 1868 г., № 8, стр. 520.

³⁾ Кутепова „Секты хлыстовъ и скопцовъ“ 1883 г., стр. 207—208.

чайшему повелѣнію, покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство приказать выдать мнѣ тысячу семьсотъ рублей на извѣстное Его Величеству употребленіе, отпустивъ деньги сіи немедленно по имѣющейся въ нихъ надобности“¹⁾).

Такимъ образомъ, князь А. Н. Голицынъ, не получившій въ свое время полного и правильнаго религіознаго образованія, увлекшись мистицизмомъ, мало-по-малу дошелъ въ своемъ мистическомъ настроеніи до такихъ крайностей, что терялъ почти всякое различіе между православіемъ и сектами. „Многіе,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. И. Панаевъ,—сомнѣвались въ чистотѣ религіозныхъ чувствъ князя Голицына, но я, служившій въ то время подъ его начальствомъ и бывшій въ короткихъ отношеніяхъ съ самыми близкими къ нему людьми, могу утвердительно сказать, что этотъ достойный человѣкъ, при добрѣйшемъ довѣрчивомъ сердцѣ, склонный по самому характеру своему къ созерцательности, къ чудесному, дѣйствовалъ вслѣдствіе внутренняго увлеченія; оттого, можетъ быть, и переходилъ за черту, не зная предѣловъ своей ревности; оттого вѣрилъ ложному благочестію другихъ и, къ сожалѣнію, подчинился вредному ихъ вліянію“²⁾. М. Я. Морошкинъ, обстоятельно изучившій дѣятели разсматриваемой эпохи, еще рѣшительнѣе отзывается о религіозномъ состояніи Голицына: „этотъ странный и, повидимому, добрый человѣкъ,—говоритъ о немъ Морошкинъ,—былъ совершенный младенецъ въ религіозныхъ предметахъ, почти невѣжа въ православіи и полное игралище всѣхъ сектантовъ, всѣхъ религіозныхъ утопистовъ, представителей всѣхъ религіозныхъ теорій, начиная съ масоновъ и кончая изуродованнымъ и полуразложившимся сконцомъ Селивановымъ и полубѣснующею Татариновою. Въ этой душѣ, не имѣвшей прочной и религіозной подкладки и фунда-

¹⁾ „Русс. Старина“ 1895 г., кн. XI, стр. 19.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1867 г., т. IV, стр. 74 и сл.

мента, спокойно умѣщались и уживались всѣ религіозныя вѣрованія. какъ бы они противорѣчивы ни были и какъ бы они ни исключали себя взаимно“ ¹⁾).

Мало того. Князь Голицынъ, благодаря своему высокому начальственному посту, много содѣйствовалъ распространенію мистицизма изъ высшихъ правительственныхъ сферъ въ разнообразныя слои русскаго общества. Спеціальными органами для проведенія мистическихъ идей въ русскую жизнь служили ему руссiйское библейское общество и соединенное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Свящ. *Н. Стеллецкій.*

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Морозкина „Іезуиты въ Россіи“, ч. II, стр. 30.